

Пятая Космическая

Автор:

Вячеслав Шалыгин

Пятая Космическая

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Преображенский #2

Эта война, получившая название Пятой Космической, вызревала давно и началась внезапно. Сошлись в кровавой схватке солдаты Земной Федерации и Демократического Альянса, возглавляемого Марсом. Но пламя космических битв скрывало за собой зловещую фигуру Тайного Советника – человека (или монстра?), который под прикрытием братоубийственной войны решил стать правителем всей Галактики. Цивилизация оказалась на краю гибели – но на пути кровавого маньяка встал подполковник Павел Преображенский и его «Возрождение» – организация, объединившая лучших сынов человечества. И еще – Выживший, посланник далеких времен, помогающий сохранить и реализовать Главную последовательность событий...

Вячеслав Шалыгин

Пятая Космическая

В 2289 году человечество оказалось на пороге новой войны. Против Земной Федерации, в которую, кроме Земли и Луны, входила Венера, большинство обитаемых спутников внешних планет Солнечной системы и пять Колоний в дальнем космосе, выступили Марс и Колониальный Союз, временно

объединившиеся в Демократический Альянс; в сумме – двадцать три планеты, разбросанные по освоенной людьми части Галактики.

Против сильной, грамотной, но малочисленной армии землян выступило многократно большее ополчение колонистов, ядром которого стали марсианские рейнджеры: солдаты, ни в чем не уступающие земным космодесантникам. Что победит в этом столкновении – молот или наковальня, – не мог предугадать никто, поэтому наиболее мудрые выбрали нейтральную позицию. Впрочем, таковых было мало.

К началу активных боевых действий нейтралитет сохранили только спутник Юпитера Ганимед и закрытый космический город Эйзен, искусственный спутник Плутона. Из тридцати дальних Колоний роль наблюдателей традиционно предпочли три планеты: Рур – главный поставщик оружия обеим конфликтующим сторонам, Юнкер – планета, полностью ориентированная на Рур, и Марта – мир слишком молодой, чтобы заниматься чем-либо, кроме решения собственных проблем.

Следует отметить, что о нейтралах здесь упомянуто не случайно. Во-первых, война началась с захвата Марсом нейтрального, но экономически и культурно тесно связанного с Федерацией Ганимеда. А во-вторых... Однако не стоит забегать вперед.

В официальных сводках начавшийся конфликт марсианские хроникеры именовали Пятой Мировой. Земляне предпочитали называть войну Пятой Космической. Но как бы ни называли войну репортеры, суть была одна: и армия Земли, и армия Марса несли планетам противника разрушение и смерть, ни на секунду не задумываясь о последствиях.

В 2290 году, к исходу десятого месяца войны, стало ясно, что конфликт переходит в фазу военной катастрофы, но остановить это безумие уже не было сил ни у заседающего в Стокгольме правительства Земной Федерации, ни у администрации Марсианского Демократического Альянса.

(Служебный справочник «Новейшая история человечества: книга почета», Земля, Москва, издательский портал RYBUF, 2327 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ЛИДИЯ

1. Июль 2290 г., Колония Лидия – Земля.

В тридцать пятом квадрате северного полушария Лидии шел дождь. Тучи кружили, будто тысячекилометровая карусель. Медленная, тяжелая, серая. В центре, там, где располагалась воображаемая ось атмосферного аттракциона, дождь лил почти отвесно, пробивая крупными каплями податливые зонтичные кроны деревьев и низкие беседки из спутанной травы. Глухой стук капель по обтянутой тканью каске убаюкивал и притуплял бдительность. Не заснуть на посту помогала только переключка.

– Семнадцатый!

– На месте, – ответил продрогший наблюдатель. – Чисто.

Начальник караула буркнул что-то неопределенное и отключил связь. Марсианские командиры не давали ополчению поблажек. Оно и понятно, любое ослабление режима повышенной боеготовности могло привести к катастрофе. Земляне подошли вплотную. Их пока не видел ни один лидиец, но марсианские рейнджеры и прибывшие с ними обстрелянные колонисты с Данаи, Старта и Форпоста говорили, что обычно так и бывает. Землян не видно до самой атаки, зато, когда начнется мясорубка, лидийцы насмотрятся на врага вдоволь. Если не погибнут в первые же секунды боя. Ветераны в отношении врага были настроены очень серьезно. Около года назад они уже недооценили противника. Тогда им показалось, что разбить малочисленную армию землян не составит труда, и ударная группировка рейнджеров высадилась на Ганимеде. К чему привел тот легкомысленный демарш – известно. Флот Земли вышвырнул армаду Альянса из Солнечной и погнал к Колониям. И вот теперь космодесант землян окопался уже на двенадцати – на половине! – бывших планет Альянса и уверенно продвигался все дальше в глубь Пояса Освоения. До фиаско Альянсу оставалось не так уж много – сдать еще две-три планеты. После этого нейтральный Рур обязательно примет условия ультиматума Федерации, прекратит военные поставки Альянсу, и война, начавшаяся с эффектного штурма Ганимеда, будет проиграна вчистую. Марсиане, правда, утверждают, что

у них есть план выхода из кризиса и не сегодня завтра он будет реализован, а пока надо продержаться, но веры им становится все меньше с каждым днем. Число недовольных стремительно растет даже на Лидии, Данае и Форпосте, заселенных в свое время преимущественно выходцами с красной планеты.

Прохладные капли скатились за воротник. Рядовой Депп поежился. Какой смысл торчать в этом секрете на опушке леса в такую погоду, да еще глухой ночью? Почему эти марсиане так уверены, что космодесант землян высадится именно здесь и сейчас? Это же верх глупости – садиться в чистом поле, да еще в проливной дождь. Пожалуй, только ночь может послужить оправданием этой тактической ошибки, но все-таки прикрытие темноты несущественно для современной войны. Что такое ночь, когда у противника на голове шлем с ночным визором в прозрачном забрале? С другой стороны, почему бы им и не высадиться? Ведь что такое чистое поле и какой-то там дождь для бронированных космодесантных челноков, способных сесть хоть под обстрелом прямой наводкой, как случилось на Мирре, хоть в центре метанового шторма, как это было на Реаниматоре – жутковатом спутнике Натали? История о захвате тыловой базы марсианского Шестого флота, «надежно» упрятанной под грунт этого планетоида, дошла до Лидии в обход всех пропагандистских каналов. Пятая космодесантная бригада генерала-майора Гордеева совершила тогда, казалось бы, невозможное.

Получается, марсиане все-таки правы. Ничто не помешает этим дьяволам, землянам, высадиться в центре лидийского циклона, а значит, надо быть начеку. Хотя чистое поле все равно не лучшее место для посадки. Тем более заминированное, нафаршированное всякими электронными датчиками и нанесенное на карты всех артдивизионов под грифом «место вероятного прорыва – работать по площадям». Впрочем, больше садиться просто негде. Почти сразу за узким перелеском начинается силовой купол форта Гатлинг. Прорваться сквозь него, спикировав прямо с орбиты, нереально, это не метановый шторм, разбомбить тоже – разве что ядерным оружием. Значит, остается один путь – прорваться по техническим тоннелям. Четыре из пяти выходят на поверхность как раз здесь, за спиной у рядового Деппа. Он, конечно, не единственный, кто их защищает, но заслон из батальона ополченцев – это не силовое поле. Так что, войти в Гатлинг с юго-восточного направления землянам светит только здесь. В общем, брюзжи не брюзжи, а командиры правы целиком и полностью, что так пекутся об охране юго-восточных рубежей.

Депп тяжело вздохнул. Угораздило же оказаться на переднем краю обороны, да еще в секрете. Смертник, однозначно. Рядовой сел, положил винтовку на колени и энергично потер озябшие ладони. Очень сильно хотелось сделать глоток виски и затянуться сырым солдатским «Кэмелом». Но за такие вольности на посту можно запросто попасть под трибунал. Или сразу схлопотать пулю. Смертник или нет – еще вопрос, говорят, земляне ополченцев иногда щадят, а вот марсиане шлепнут не задумываясь, хоть и союзники. Дисциплина им, видите ли, дороже человеческой жизни. Три дня назад, когда по всем раскладам земляне были бог знает как далеко от Лидии, майор Джемисон лично застрелил заснувшего на посту ополченца. Разве это нормально?

Рядовой еще раз вздохнул, снова улегся на отсыревший коврик и уставился в разлинованную серыми дождевыми струйками мглу. Примерно секунду он бессмысленно пялился в непроглядную темноту, а затем вдруг замер. До него дошло, что в руках чего-то не хватает. Он снова сел и растерянно оглянулся. Не хватало винтовки. Девпа бросило в жар. Он пошарил руками вокруг лежки, но ничего не нашел. Неужели оружие соскользнуло вниз с пригорка, на котором устроился незадачливый наблюдатель, и утонуло в грязи? Вот уж будет скандал! Это тебе не заснуть на посту или, там, промочить горло. Это уж точно расстрел на месте, без всякого трибунала. Рядовой плюхнулся на живот и сполз по склону к ближайшей луже. Погрузив руки по локти в холодную, липкую жижу он пошарил по дну, но нашел только несколько сучьев. Винтовки не было. Депп утер со лба холодный пот, оставив широкую полосу грязи.

– Потерял? – вдруг прозвучало почти над ухом. – Вот ведь незадача.

Невидимка хмыкнул с явной издевкой. Депп пару секунд осмысливал ситуацию и, когда понял, что происходит, резко обернулся. Человек говорил по-русски! Рядовой раскрыл рот, чтобы крикнуть, но возглас застрял в глотке, поскольку к горлу прижался холодный клинок.

– Не дрыгайся, лидиец, – с угрозой прошептал землянин. – Если жить хочешь.

Депп судорожно сглотнул. Жить хотелось еще как.

– Сдаюсь, – прохрипел он. – Я ополченец.

– Вижу. – Русский показал ему винтовку марсианского образца.

Это было оружие Деппа. Чистое, только в дождевых каплях. Как его винтовка оказалась у врага, рядовой не мог себе даже представить. Одно слово – космодесант. Лидиец сложил руки на голове.

– Ложись на подстилку. – Десантник кивком указал на коврик, с которого так опрометчиво сполз дозорный.

Рядовой покорно лег на спину и сложил руки на груди. Что будет дальше, он примерно представлял. Земляне не связывали пленных, они их просто отключали. Десантник вынул из кармашка на рукаве маленький пневмоинъектор и приставил к шее лидийца. Послышался негромкий «пшик», и рядовой Депп провалился в глубокий... плен.

– Четыре минуты до вражьей переклички, – буркнул десантник. – Блинов, что у тебя?

– Снял все посты, господин подполковник. Четвертый взвод вышел на исходную. Первый у тоннеля. Второй и третий заняли позиции на флангах. Готовы.

– Годится. Жди взвод Краснова. Первая рота, рапорт! Бубликов, спишь?!

– Никак нет! Ползу... просто... господин подполковник. Занял господствующую высоту. Холодным оружием. Потерь нет.

– Молодец. Всех подряд лидийцев не убивай. А то знаю я тебя.

– К штатским у меня претензий нет, – немного обиженно ответил капитан Бубликов. – Мне красножопые, виноват... марсиане поперек глотки.

– Знаю. Но их тоже сортируй, когда в форт войдешь. Чины ниже майора меня не волнуют, а вот Джемисона и Холли изволь взять в полон. Ясен приказ?

– Мясника Джемисона? – Бубликов скрипнул зубами. – Он же не штабной, ничего стратегически важного не знает.

– Бубликов!

- Виноват! Приказ ясен, господин подполковник.

- Минутная готовность! Третья рота!

- Здесь, - из ближайших кустов появился капитан Воротов, командир третьей роты первого батальона Пятой космодесантной бригады. - А это что за тело тут отдыхает? Добить?

- Абориген. Пусть живет.

- Добрый ты, Паша.

- Мы ж не марсиане. Твои готовы?

- А то!

- Где Родионов?

- На кронштейнах у Вяземского. Да все по плану, ты не переживай.

- Стар я уже переживать. - Подполковник усмехнулся.

- Ну да. - Воротов тоже хмыкнул. - Суперстар. Сделаем все в лучшем виде. Петр Вадимович родионовские танки прямо в тоннель зафутболит, будь уверен. Так что и в этот раз Бородачу подчищать за нами не придется.

- Еще не хватало!

- Ну и я о том же. - Капитан кивнул. - Где первый батальон прошел, там второму делать нечего.

Подполковник поднял руку, призывая подчиненного к молчанию.

- Преображенский, время, - проскрипел в динамике голос комбрига, генерал-майора Гордеева.

– Мы на позициях, ваш свет, – доложил подполковник Павел Преображенский.

– Вперед!

– Есть! – Преображенский переключил волну. – Батальон, в атаку!

Для наблюдателей в форте Гатлинг вряд ли что-то изменилось. В юго-восточном секторе по-прежнему царила серая ночь, шуршащая дождем в листве и булькающая каплями в лужах жирной грязи. Системы видеонаблюдения исправно показывали в точности такую же картинку, как и пять минут назад, мины хранили верность своим взрывателям, а электронные датчики не выявляли никакого движения или излишнего давления на влажную скользкую почву. Все было как всегда, тихо и мирно. Поэтому появление в главном тоннеле вражеского десанта, да еще при поддержке гравитанков, стало для защитников форта полнейшей неожиданностью. Не для всех, конечно, ведь на заградительном рубеже в ста метрах вглубь от наружных ворот службу несли бдительные рейнджеры, и потому некое подобие сопротивления защитники тоннеля все-таки организовали, но лишь подобие. Блокпост рейнджеров открыл огонь, и авангард землян был вынужден прижаться к земле, однако марсианские воины никак не ожидали того, что случилось дальше. Из глубины тоннеля они могли видеть лишь перспективу, в которой не усматривалось тяжелой техники, а потому марсиане решили отбиваться при помощи стрелкового оружия. Это и стоило им жизни. Стены тоннеля внезапно сотряс громовой удар форсажа, и прямо перед блокпостом возникли четыре гравитанка. Ниоткуда. Просто материализовались в воздухе, как по волшебству. Марсиане даже не успели схватиться за гранатометы. Танки полоснули из малых курсовых орудий и выжгли блокпост дотла.

– Чума! – Ротный Бубликов поднялся с мокрого тоннельного асфальта и помахал рукой, разгоняя дым. – Это вам не в пул играть, пиндосы несчастные. Это, блин, русский бильярд. Четыре танка в лузу прямо с борта челнока! Первый взвод, на броню!

– Выпендреж, – буркнул командир разведвзвода лейтенант Краснов.

– Выпендреж есть главный козырь русской армии, – назидательным тоном произнес Бубликов. – Когда Суворов через Альпы перемахнул, думаешь, не выпендривался?

– Там так надо было, а тут... Можно было танки с челнока заранее сбросить, потом по-тихому подвести и спокойно загнать в трубу. Зачем было прямо в тоннель по такой сложной траектории забрасывать? Практический эффект был бы тот же, а риска меньше.

– Вот сразу видно, что ты «пиджак», Краснов. – Ротный фыркнул. – Хоть и давно мобилизованный, а все равно штатский. Ну, какие еще радости на войне, кроме форсу? Давай, прыгай в седло, да лупетками по сторонам зыркой внимательно. Не покататься на броню тебя сажаю. Прошляпишь гранатометчика – лично болт вставляю по самую гайку.

– Я в курсе для чего пехота танкам.

– Ну да, ты ж университет закончил. – Ротный ехидно сощурился. – Зоо-фак?

– Биофак.

– Бубликов! – отвлек ротного вызов по радиосвязи. – Встречай Блинова и сразу вперед, довольно прохладиться.

– У меня все по часам, господин подполковник!

– И как давно ты на них смотрел? – сурово спросил Преображенский.

– Да вот... – капитан чуть опустил поднятое забрало и взглянул на проекцию часов. – Виноват! Краснов! Стучи этим килькам в консервные банки, хватит сисечки мять, ходу! На двадцать секунд опаздываем, блин!

– Я уже здесь, – рядом с «ротным один» остановился командир второй роты капитан Блинов. – Ну, вы и накурили!

– Это коробочки постарались. От красножопых даже тапок не осталось. Что там снаружи?

– Дождь. – Блинов сплюнул. – Не нравится мне тут, Бублик.

– Там ссать. – «Ротный один» указал большим пальцем за плечо. – Там все равно мокро.

– Я серьезно. – Капитан коснулся забрала своего шлема. – Слишком все просто получается. Чутье обострилось. Ара, ко мне!

Рядом с офицерами появился чернявый боец с шевроном сапера на рукаве.

– Я, господин капитан!

– Проверь тут все еще раз, – приказал Блинов.

– Так ведь с борта проверили, глубинными сканерами. Чистый тоннель, господин капитан, как лед на вершине Арарата.

– А он там есть? – Капитан Бубликов покачал головой. – Дисциплинка у вас в роте, господин капитан.

– А у вас? – парировал Блинов. – Вартан, не раздражай начальство.

– Есть все проверить! – Солдат сбросил ранец и вынул из бокового отделения саперный сканер.

Машинка пискнула и выдала небольшую голографическую модель тоннеля. Сапер потыкал в сенсоры, меняя режимы поиска, и наконец пожал плечами.

– Ну, если не считать вот этих обручей, все, как было и с орбиты. Мины есть, их не может не быть, но их мы уже обезвредили. Дистанционно.

– Погоди-ка, ара. Не считая каких таких «обручей»? – заинтересовался Блинов.

– Вот этих. – Солдат указал на тонкие полуокружности, равномерно, будто ребра, расположенные через каждый метр тоннеля. – Вроде бы неопасные.

– Химический состав определил? – Блинов принял стойку. Начиная военную карьеру он со срочной службы в саперном взводе Армии Оборона Земли, а

потому кое-что в минном деле понимал. – Структура равномерная или ячеистая?

– Ну, типа сот.

– Краснов, разворачивай коробочки! – крикнул капитан Блинов, затем повернулся кругом и махнул входящим в тоннель бойцам: – Назад! Все в лес! Бегом! Бегом!

– Ты чего? – дернул его за рукав Бубликов.

– Это мышеловка, Бублик! Ловушка!

– Но мы же проверяли! Три дня наблюдали, как тут лидийцы курсировали. Вход это в крепость!

– В задницу это вход! Эти обручи на самом деле – термопена. Входим всем батальоном, и она загорается. Десять тысяч градусов равномерно по всей кубатуре тоннеля. Стандартный заряд горит ровно минуту. Классика жанра. Я сам такие пакости в стены закладывал. Издалека не обнаруживается ни сканерами, ни собаками. Ну а когда близко подходишь, тогда обычно поздно бывает. И не обезвредишь ее ничем, в ней же ни запалов, ни детонаторов. Ее марсиане из укрытия в дальнем конце подожгут, и все дела. Она мгновенно вспыхивает, как свет, по всей длине закладки.

– Надо бате доложить.

– Слышал уже, – буркнул в эфире Преображенский. – Всем вернуться на исходные позиции. Будем окапываться.

– Опять рыть блиндажи, жрать тушенку и срать на саперную лопатку. – Бубликов недовольно поморщился. – Надоело. Ну, где этот ботаник?! Краснов!

– Слышу, командир, уже пятимся.

– Полный назад, разведка!

– Да он и так полный, полнее штанов. – В голосе Краснова угадывалось волнение.

– Слышь, Блин, ты бы это... – Бубликов указал на выход из тоннеля. – Ретировался бы от греха подальше. И Вартана заberi.

– А ты что?

– А я тут подожду.

– А смысл? Ты ж его не прикроешь. Сгорит ботаник один или с тобой – какая разница? Идем, идем, не выживайся.

– Сказал – тут подожду!

– Господин подполковник, прикажите этому выпендрежнику выйти из тоннеля.

Блинов служил с Бубликовым не первый месяц и точно знал, как следует поступать в ситуациях, когда «ротного один» начинает плющить под прессом совести или ложных представлений о чести офицера.

– Капитан Бубликов, покинуть тоннель! – процедил Преображенский.

– Блядь! – проронил капитан и недобро взглянул на Блинова.

– Не расслышал, – Преображенский чуть повысил голос.

– Есть, – исправился Бубликов.

Ротные отошли от жерла тоннеля метров на пятьдесят и даже успели рассмотреть танки, выплывающие из темной перспективы трубы...

Вспышка была настолько ослепительной, что превратила дождливую ночь в подобие солнечного дня. Причем на целую минуту. Вряд ли на Лидии кто-нибудь видел нечто подобное. Ведь в силу неизвестных науке причин здесь даже грозы обходились без молний. Да и если бы с ними – молний продолжительностью в

минуту не видывали даже на Земле. Несильная, но упругая взрывная волна швырнула офицеров в грязь. Пока бушевал шестидесятисекундный огненный катаклизм они лежали, не шевелясь. Боевые костюмы отлично справились с пышущим из горнила жаром, да и дождь помог. Когда огонь утих, защитившее глаза офицеров от вспышки фотохромное покрытие забрал просветлело, а затем снова включились приборы ночного видения.

Первым поднялся Блинов. Из обугленной трубы тоннеля валил черный дым. Капитан коснулся сенсора на шлеме и вызвал медчасть.

– Я ближе всех.

– Спасать некого, – неестественно спокойным голосом доложил врач. – На всех мониторах только «серый шум».

– Не прощу! – прорычал, поднимаясь из грязи во весь свой немалый рост, капитан Бубликов. – Суки красножопые! Всех под нож! И тебе, Блин, не прощу!

– Тоже ножичком ткнешь? – Блинов попытался взять его под локоть. – Идем. Нечего тут отсвечивать. Нам еще бате докладывать. И вообще – война пока не кончилась, поквитаемся.

Бубликов резко высвободил руку и пошел вперед. Блинов двинулся следом. В полный рост, не скрываясь. Кажется, в спины им пытались стрелять какие-то выбравшиеся из секретных лазов храбрые ополченцы, но землян это не волновало. Всех «партизан» мгновенно засекали и уничтожили стрелки-операторы затаившихся в перелеске танков. Блинов мог поспорить, что сделали они это с наслаждением. У офицеров-танкистов на душе было так же паршиво, как и у Бубликова с Блиновым, и месть была им сейчас необходима, словно глоток воды с похмелья. Хотя, хуже всех было все-таки Преображенскому. Танкисты потеряли четыре экипажа, «ротный один» – целый взвод, а подполковник – всех вместе.

* * *

Брейд-вымпел Гордеева в целях маскировки был поднят на линкоре «Уран», но на самом деле командир Пятой КДБ собрал совещание на крейсере «Каллисто»,

третьем по рангу корабле бригадной флотской группы. Присутствовали, как обычно, все офицеры, выше взводных. Не потому, что молодым лейтенантом не было доверия, просто кто-то же должен был оставаться на позициях.

Преображенский и его ротные прибыли за пять минут до начала. Командир второго батальона подполковник Борис Бородач, друг и в то же время вечный соперник Преображенского, как на ниве ратных подвигов, так и на личных фронтах, был уже в кают-компани. Он развалился в кресле и неторопливо беседовал с майором Родионовым, командиром танкового батальона. Вновь прибывших встретил командир флотской группы капитан первого ранга Петр Вяземский. Он обменялся с офицерами рукопожатиями и вернулся к внутренним дверям кают-компани. Генерал Гордеев мог появиться в любой момент, и подать команду должен был именно Вяземский. Желательно без задержки. Каперанг и сам любил, чтобы все было четко, как во флотском строю.

Преображенский занял свое место за круглым столом и покосился на Бородача. Тот некоторое время старательно не замечал товарища, но потом снизошел и едва заметно кивнул.

– Осечка, господин подполковник?

– Отстаньте, Борис Александрович, а? Без вас тошно.

– Говорил я Гордееву, не посылайте этих, пардон, лохов. – Бородач самодовольно ухмыльнулся, – отправьте лучше мой батальон. Не послушал меня старик.

– Между прочим, в спартанской армии «лохом» назывался отряд почти соответствующий по численности современному космодесантному батальону, – заметил сидящий у стены Блинов. – Половина моря или четыре пентакосты. Или шестнадцать эномотий.

– Грамотный какой. Вашему батальону он соответствует, – с издевкой уточнил Бородач. – Как вы могли прохлопать термопену?

– Если б мы ее прохлопали, в море у нашего полемарха остался бы только один лох – твой, – парировал Преображенский.

– А так все обошлось одной этой... эномотией и четырьмя колесницами? Ты это хотел сказать? – Бородач хмыкнул. – Герои. Ни черта воевать не умеете. Лохи и

есть.

- Товарищи офицеры! – зычно выкрикнул старинную команду Вяземский.

Все встали и вытянулись по стойке смирно.

Гордеев вошел неспешно, но не потому, что хотел выглядеть солиднее, чем есть на самом деле, или нагнать на подчиненных страху. Просто он никогда никуда не спешил. Равно, как ничего и не затягивал. У него все было рассчитано и расписано по секундам. При этом он умудрялся оставаться довольно живым, в меру раскованным и язвительным человеком, казалось, не обращающим особого внимания на такие мелочи жизни, как время и такие условности, как дисциплина. К примеру, он всегда начинал совещания вовремя и заканчивал их ровно через час – секунда в секунду – успевая за это время решить абсолютно все вопросы и «раздать всех слонов», но никогда не придерживался четкой схемы проведения совещаний. Он мог начать с текущей оперативной обстановки и плавно перейти к менее важным делам, мог поступить наоборот, мог вообще, казалось бы, не говорить о делах, но так или иначе к исходу пятьдесят девятой минуты оказывались решены все вопросы, розданы приказы, вручены медали отличившимся и прочищены сопатки провинившимся. Назвать это иначе, как командно-административным талантом, не поворачивался язык.

- «Товарищи», – проворчал Гордеев, окинув офицеров строгим взглядом. – Таких товарищей врагу не пожелаешь. Садитесь. Вяземский, ты у нас специалист по ритуалам, действительно было такое обращение к офицерскому собранию в девятнадцатом веке или это от Красной армии нам досталось?

- Было, – Вяземский кивнул. – В те времена слово «товарищ» еще не опошлили. У министров, например, не заместители были, а тоже товарищи.

- Занятно, – генерал поднял тяжелый взгляд на Преображенского. – Ну что ж, товарищ подполковник, докладывайте. Кто виноват, что делать и так далее.

Преображенский ответил не сразу. Несколько томительных секунд он твердо смотрел в глаза Гордееву. Подполковник отлично осознавал степень своей вины и не боялся ответственности. Иначе ему было бы не стать подполковником в тридцать два и не заработать тот немалый авторитет у подчиненных, который не решился бы оспорить ни вечный соперник Бородач, ни сам Гордеев.

Преображенский представил себе, как выглядит эта сцена со стороны. Суровый, но справедливый генерал Гордеев: внешне вроде бы ничем не примечательный, худощавый, невысокий, с редящими светлыми волосами и внимательными серыми глазами, а напротив него широкоплечий, темноволосый, кареглазый, рослый подполковник Преображенский. «Лед и пламень». Холодный, все понимающий, но ничего не прощающий стратег против грамотного, но убежденного в своем праве на ошибку тактика. Со стороны – ничего общего, но если задуматься, все как раз наоборот: общая ответственность, общее дело и цель – победа.

– Обвинять во всех тяжких флотскую разведку я не стану, – ответил Преображенский. – Обзывать последними словами – тоже. Они сами все о себе знают. Моя ошибка в том, что я не перепроверил их данные на месте и первыми в трубу отправил своих разведчиков, а не саперов. Если бы не Блинов, эта ошибка могла обернуться гибелью не только взвода Краснова и танкистов, но и всего батальона. Я виноват и готов понести наказание.

– Осознаешь, значит? – Гордеев так и не отвел изучающего взгляда. – В этом я не сомневался. Легче не станет, но хотя бы на будущее себе зарубку сделаешь. А наказание... последует, сударь, не сомневайтесь.

Генерал наконец прекратил сверлить Преображенского взглядом и обернулся к Бородачу. Тот мгновенно подобрался, так, что все его грузное на первый взгляд тело преобразилось в гранитный монолит, а грубоватое, будто бы рубленое лицо приобрело выражение предельной сосредоточенности. Даже глаза, небесно-голубые, цвета неба над его родной Европой, никак не вяжущиеся с общим героическим обликом, казалось, немного изменили цвет. Они остались голубыми и ясными, но теперь это была голубизна холодного неба над Натали, планетой вечных снегов.

– Твоя очередь, Борис Александрович, – генерал кивнул второму комбату. – План «Б» будет отрабатывать второй батальон.

– Разрешите... – заикнулся было Преображенский.

– Не разрешаю! – неожиданно взорвался Гордеев. – Это и будет тебе наказанием! Форт Гатлинг возьмет Бородачу! А ты его подстрахуешь, – генерал смягчил тон. – Тем более тебе личный состав надо пополнить и технику

получить. После совещания отправляйся на базу. Получишь там новые танки и наберешь солдат. Как раз транспорты с техникой и новобранцами прибыли.

– У меня зампотех имеется, он же «ротный один» – обиделся Преображенский, – а кадровик по штатному расписанию – командир второй роты. Вон они оба загорают.

Он указал на Бубликова и Блинова.

– Можешь с собой их взять. Заодно развеешься, ошибки осмыслишь. Все, решен вопрос. Первый батальон отводится в тыл. Это приказ. Выполняйте, подполковник!

– Есть. – Преображенский уставился в пластиковую столешницу.

С точки зрения подполковника, наказание Гордеев назначил слишком строгое. Хотя, конечно, по заслугам.

– И главное, Павел Петрович, ты встретишь и сопроводишь проверяющего из Генштаба, – закончил Гордеев с едва различимым неудовольствием. – На «Уран» его привезешь, я после двадцати одного туда передислоцируюсь.

– Дожили, – буркнул начальник штаба бригады полковник Хосокава Харуо. – Уже проверяющие к нам ездить начали.

– Будем так воевать, еще не до того доживем. – Гордеев махнул рукой. – Кроме начштаба и Вяземского все свободны. Честь имею, господа офицеры.

* * *

Начало июля в Стокгольме выдалось прохладным. Было солнечно, но настойчивый северный ветер не давал насладиться летним теплом. Зато все тот же ветер позволил городу вдохнуть полной грудью. И вовсе не потому, что развеял смог. Над мегаполисами Земли уже давно не было смога. Промышленные выбросы в атмосферу и сизые облака транспортных выхлопов остались в далеком прошлом, в Индустриальной Эпохе, когда недра планеты еще были полны нефти, газа и всяких полезных ископаемых. Но все же в

столице, как и в любом мегаполисе, до сих пор дышалось труднее, чем среди зелени ухоженных парков, например близ Упсала, на берегах озера Эльмарен или на Аландских островах. Труднее из-за жуткой насыщенности воздуха углекислотой и бытовыми испарениями. В каменных лабиринтах улиц, никогда не видевших солнца из-за многочисленных небоскребов, воздух застаивался как в корабельном кубрике. Ветер с моря хотя бы немного решал проблему. Жаль, что только эту. Со всеми остальными жителям перенаселенного Стокгольма приходилось справляться самостоятельно.

Президент Земной Федерации Огюст Френо подошел к стеклянной двери, и она услужливо отъехала в сторону. Он сделал шаг и очутился над пропастью, в метре от идеально ровного обрыва-стены. Ощущение, что висишь на высоте птичьего полета и любое неловкое движение может обернуться затяжным падением, щекотало нервы, но ничуть не отвлекало от текущих проблем. Слишком уж они были серьезными, чтобы от их осмысления отвлекла такая мелочь, как стеклянный балкон с почти невидимым ограждением из прозрачного пластика. Но привычка есть привычка. С этого балкона на сто тридцать седьмом этаже Дворца Наций открывался отличный вид на столицу Земной Федерации, и думалось здесь лучше всего. А подумать президенту Френо было о чем. В первую очередь о критической обстановке на фронте. После доклада начальника Генштаба маршала Дюссона Верховный Главнокомандующий погрузился в пучину тягостных раздумий, и балкон будто бы сам поманил его, подмигнув едва заметным бликом на стеклянном полу.

Маршал Дюссон остался в кабинете. То ли боялся высоты, то ли не доверял инженерам, спроектировавшим балкон-невидимку. Президент не настаивал. Продолжить беседу можно было и через порог. Взгляд Френо устремился к Площади Федерации. Еще месяц назад над ней вспыхивали красочные фейерверки в ознаменование очередной победы федеральных войск – взятия Колонии Старт, – а теперь было пусто. Теперь вдруг выяснялось, что это была последняя победа, а значит, и последний салют. Войска Марсианского Демократического Альянса готовились к мощному контрудару, и эта новость перечеркивала все успехи последних трех месяцев. Генштаб не знал, где происходит сосредоточение войск Альянса, но Дюссон был абсолютно уверен, что для входа в Солнечную систему объединенному флоту противника потребуется один короткий прыжок.

– Получается, они нас переиграли? – Френо оглянулся и нервно потеребил пуговицу полувоенного френча.

Маршал Дюссон, невысокий, полноватый, с маленькими невыразительными глазами, но все равно подавляющий своей запредельной серьезностью, коротко кивнул.

– Переиграли по всем пунктам, – маршал поднял строгий взгляд на Главнокомандующего. – Я предупреждал, господин президент, что, распыляя силы, мы подставляем себя под удар. Наша армия не резиновая, мы не можем контролировать сразу три десятка точек пространства. У нас не хватает людей и кораблей. Прозрачность фронта просто ужасающая. Зачастую мы имеем не больше одной десантной бригады и одной-двух флотилий на оккупированную Колонию. Этого недостаточно ни для поддержания порядка на захваченных планетах, ни для отражения контратаки.

– Но ведь они справляются? – Френо невольно вытер вспотевшие ладони о френч и сцепил руки за спиной. От тона маршала ему стало не по себе: холодно и неуютно.

– Справляются, но исключительно потому, что марсиане не контратакуют. Они сдают Колонии, тем самым все больше растягивая наши силы по Галактике, а сами тайком возвращаются к границам Солнечной. Согласно свежим разведанным, в Поясе Освоения нам реально противостоит только Шестой колониальный флот, все остальные флоты уже отошли для перегруппировки и удара по Земле.

– Но вы же что-то предпринимаете? – У президента закружилась голова, и он шагнул обратно в кабинет. Не хватало еще рухнуть в обморок. Дюссон и так считал президента слабаком, и укреплять его в этом мнении было ни к чему. Хотя, тут уж ничего не изменить, маршал был прав, характера Огюсту Френо хватало лишь на политиканство, поэтому все военные вопросы решал Дюссон.

– Я отдал приказ всем армиям вернуться в Солнечную. Армии Селье, Де Брасса и Санчеса уже на подходе. Армия Накано связывает силы Четвертого флота марсиан в секторе Юпитера, а Первая ударная генерала Овчаренко остается в дальнем космосе и удерживает Шестой колониальный флот. Армия Обороны Земли приведена в состояние повышенной боеготовности, Службе резерва приказано начать призыв в Добровольческую армию. Кандидатуру командующего я представлю завтра к двадцати часам.

- То есть мы готовы отразить контрудар?

- С одной стороны – да, но марсиане формируют Седьмой колониальный флот. Как только он будет готов выступить в поход, командующий колониальной группировкой войск Альянса генерал Стивенсон приведет Шестой и Седьмой флоты в Солнечную систему, и вот тогда нам придется очень туго.

Последние слова Дюссон произнес с нажимом, даже с какой-то угрозой, будто пророчил, что ту же всех придется лично президенту Земной Федерации.

- Но ведь его удерживает Овчаренко? – Френо поежился. Настроение и так было не очень, а теперь упало ниже нуля. А вместе с ним, казалось, упала и температура в кабинете. Президент невольно взглянул на решетки кондиционера, но промолчал. Включать обогрев в июле было нелепо даже для прохладных северных широт.

- Первая ударная армия генерала Овчаренко не получала подкрепления уже два месяца. За это время она взяла Натали, Реаниматор и понесла серьезные потери при штурме Старта. Я направил два транспорта с техникой, БДК [1 - Большой десантный корабль.] с личным составом и оружейный транспорт в распоряжение Овчаренко, но это не решит проблему. Одному флоту его армия сумеет противостоять, а вот двум – вряд ли. Когда к Шестому присоединится Седьмой колониальный флот, Стивенсон опрокинет все заслоны и свободно прыгнет к Земле. Если мы не примем превентивные меры, Земля обречена.

- Вы предлагаете послать генералу Овчаренко еще подкрепление?

- Где его взять? Оружия и боеприпасов у нас достаточно, но мало людей. Формирование Добровольческой армии идет очень медленно, а снимать войска с внутреннего фронта я не могу – Земля превыше всего. – Тогда отзовите Овчаренко! – Френо потихоньку начал соскальзывать в мутное болото паники. – И Накано отзовите! Давайте соберем все силы вокруг Земли и дадим отпор.

- Нам невыгодно прямое боестолкновение, господин президент, – продолжал издеваться над расклеившимся политиком безжалостный Дюссон. – Марсиан втрое больше. В «поле» это может иметь решающее значение. Вот если бы мы сидели под силовыми куполами и лихими контратаками отвечали на бесплодные попытки штурма, как это делают колонисты на планетах Альянса, численный

перевес противника не имел бы значения. Но в линейном сражении... мы проиграем.

– Не понимаю! – У президента дрогнул голос, но ему было уже все равно. – Мы же раньше выигрывали!

– Мы использовали «очаговую тактику». Каждая армия выполняла свои задачи, атакуя посильные подразделения врага. Теперь это невозможно. Марсиане собрали кулак, и он объективно весомее нашего.

– Что же делать?! О какой превентивной мере вы говорили?

– Нам следует уравнивать шансы, уничтожив колониальную группировку противника, – твердо заявил маршал.

– Но как? – Френо растерянно пошарил взглядом по ореховому кабинету, будто надеясь найти подсказку, выцарапанную на полированных подлокотниках кресел или столешнице.

– Мы можем решить все проблемы одним мощным ударом по Колонии Лидия. На этой планете, по нашим разведданным, укрывается штаб генерала Стивенсона и расквартированы почти все десантные подразделения Шестого и Седьмого флотов. Лишившись командования и космопехоты, колонисты Альянса дрогнут. Генералу Овчаренко останется лишь уничтожить базовые платформы и основные корабли Шестого и Седьмого флота, а затем войти в Солнечную и вместе с Накано ударить марсианам в тыл.

– Хорошо! – Окрыленный надеждой, Френо потер руки. – Хорошо, да... но я все-таки не понимаю, где мы возьмем силы для этого упреждающего удара?

– На лунной базе «М-3», – не мигая, уставившись в глаза президента, заявил маршал.

У Френо окончательно похолодело внутри, и на некоторое время пропал дар речи. Примерно минуту он стоял, оцепенев, а затем на негнущихся ногах добрался до кресла и рухнул в него, будто деревянная марионетка в коробку кукловода.

– Нет! – прохрипел Френо, слабо взмахнув сразу обеими руками. – Вы с ума сошли, Дюссон! Вы что это предлагаете?! А если они ответят?! Нет, исключено! В конце концов, это просто неэтично, Дюссон!

– О чем вы, господин президент? Какая этика на войне? Тем более когда ее исход может быть решен всего одним ударом. Ситуация складывается таким образом, что победит тот, кто ударит первым. Цель оправдывает средства, господин президент. Или вам надоело сидеть в своем кресле?

– Если я сделаю то, что вы предлагаете, я лишусь этого кресла стопроцентно! – простонал Френо.

– Вы лишитесь его, если не сделаете этого. – Дюссон подошел к столу, оперся на столешницу и наклонился к президенту. – Когда мы победим, вас уже никто не сможет упрекнуть. Победителей не судят.

– Это чудовищно, Дюссон! – затравленно глядя на маршала снизу вверх, прошептал Френо. – И вы – чудовище, если смеее предлагать мне такие вещи!

– Не будьте размазней, господин Френо! – Маршал побагровел и громко стукнул кулаком по столу. – Соберитесь и еще раз проанализируйте ситуацию! Я предлагаю единственный способ выиграть войну, а вы распускаете сопли!

– Не забывайте, маршал! – пропищал Френо, но, наткнувшись на парализующий взгляд Дюссона, умолк.

– Виноват, господин президент, но от своих слов я не откажусь. – Маршал выпрямился. – Я буду доказывать свою правоту, пока вы не поступите, как мужчина. Пока не признаете, что война – это не прогулка по парку. Неужели вы до сих пор не возненавидели этих марсиан настолько, чтобы плюнуть на свои цивилизные правила?! Вы жалеете их солдат?! А кто пожалеет наших? Вы готовы позволить всей земной армии погибнуть на орбите метрополии в неравном бою с марсианами? И это вместо того, чтобы, уничтожив колониальную группировку Альянса, вынудить марсиан сдаться. Вы отказываетесь сжечь несколько миллионов солдат врага ради спасения жизней сотен миллионов граждан Федерации?! Как прикажете расценивать вашу позицию, господин президент? Как деструктивное заблуждение или... предательство?

– Выбирайте выражения, Дюссон! – Френо был на грани истерики. – Если мы отправим на Лидию эскадрилью «Марк-3», погибнут не только солдаты Альянса! Погибнет мирное население, а это сто девяносто миллионов человек!

– Плюс десять миллионов солдат и бесчисленное количество техники, а также мощная корабельная группировка, – напомнил маршал. – Без этой силы войска Альянса станут слабее ровно на треть. И это лишь первый плюс. Вторым – перепуганные нейтралы наконец-то определятся и прекратят поставки оружия Марсу. Третьим – Колониальный Союз мгновенно выйдет из Альянса. Это будет чистая победа. Нокаутом. Чего вам еще нужно, господин президент?

– А к моему имени добавится ярлык – «убийца», – простонал Френо.

– «Победитель», – упрямо возразил маршал. – Или «бывший президент», если вы откажетесь от моего предложения. Выбор за вами, господин президент.

– У меня есть время подумать?

– Не более суток. Марсиане почти готовы. Когда они начнут контрнаступление, будет поздно. Ведь мы не знаем, куда они устремятся в первую очередь. А что, если они блокируют лунную базу «М-3» и одновременно ударят по Стокгольму?

– Я подумаю, Дюссон. – Френо, бледный до серо-зеленого отлива, выбрался из кресла, пошатываясь, вернулся к балконной двери и, обхватив себя руками за плечи, уставился в городскую перспективу.

Где-то почти у горизонта черту городу подводило морское побережье. Френо чувствовал, что и его жизнь приближается к черте, за которой уже нет ничего определенного, только соленое море сомнений и глубинная тяжесть ответственных решений. Отправить на верную гибель собственную армию или угробить вместе с врагами почти двести миллионов мирных граждан Альянса... Президент знал, что из сложившейся ситуации есть еще один выход – сдаться. Но тогда становилась неясной судьба гражданина Федерации Огюста Френо. Впрочем, что же тут неясного? Плен, суд, тюрьма, а лет через двадцать отсидки – убогая квартирка в доме для пенсионеров. И это в лучшем случае. Такого развития событий президент допустить не мог ни при каких обстоятельствах. Не для того он кровью и потом заработал этот пост, чтобы отказаться от него на пороге триумфа. Или фиаско. Как получится.

2. Июль 2290 г., орбита Колонии Лидия – Марс.

Мобильная база Первой ударной армии, в состав которой входили десять космодесантных бригад, два Атакующих и один Многоцелевой флоты, а также множество вспомогательных подразделений, дрейфовала на высокой орбите Лидии под прикрытием одного из естественных спутников планеты, лишь втрое большего по размерам, чем один только стальной мастодонт флагманской платформы. Структурно база не была чем-то единым. Кроме основной платформы – по сути, гигантского судна с запасом топлива и оборудования на борту, и пристыкованных к ней вспомогательных модулей ремонтных мастерских, все прочие объекты базы были самостоятельными судами и кораблями, в случае опасности или при необходимости иного рода, способными не только маневрировать, но и самостоятельно прыгать в гипердрайв. Некоторые даже могли садиться на планеты. В основном это были десантные челноки, транспортники рембата и «санитарки». В охране базы стояли особые корабли-перехватчики – издавек один в один плавучие мины времен Второй Мировой, только с орудиями вместо рогов-детонаторов, а также автоматические корабли-мониторы – размером с наземное авто, безумно быстрые и назойливые, за что и получили неофициальное прозвище – «гнус». В отличие от пилотов «мин», способных не только отличить своего от чужого, но и соблюсти субординацию – убедиться, что летит уважаемый человек и не мозолить ему глаза – «гнус» кружил вокруг любого челнока до самой стыковки с нужным модулем базы.

Преображенский, глядя на это мельтешение, поморщился. Мало того, что раздражает, так еще и чувствуешь себя, как заяц под фарами. То ли выстрелят, то ли нет. Кто знает, что там у них, в электронных мозгах происходит? А если замкнет не тот контакт? Будь на борту люди, они могли бы скорректировать ошибку, но внутри «гноса» не бывает пилотов. Одна электроника. В списках ретроградов подполковник не числился и современной электронике вполне доверял, но один процент на всякие там сбои в «поперечных затворах» корабельных процессоров все же оставлял. Хорошо, если сломавшийся кибернавигатор просто зависнет, а если решит дать залп по сопровождаемому кораблю или пойти на таран?

Мимо проплыл черный борт огромного вспомогательного судна. Это был большой транспортник, никак не связанный с другими частями базы. Он пришел недавно и дрейфовал на отшибе, в так называемой «пороховой зоне». Здесь, согласно стандартной пространственной схеме, «подвешивались» корабли и суда со взрывоопасными грузами. В этом секторе подполковнику пока делать было нечего, получать боеприпасы полагалось в последнюю очередь. Сначала люди и техника. Путь лежал к флагманской платформе.

Стыковка и переход на борт платформы «Альфа» заняли каких-то десять минут. Все это время Павел пребывал в глубокой задумчивости. Только когда у сопровождающих его офицеров одновременно вырвались изумленные возгласы, подполковник очнулся и обнаружил, что под ногами не серый пластик палубы десантного челнока, а белоснежный полиуретан палубного покрытия сектора «Б», после адмиральского (под литерой «А») – самого приличного отсека на флагманской платформе базы. Причина воодушевления Блинова и Бубликова была проста, как мычание, которое они издавали. Мимо замерших, будто три изваяния, десантников не в ногу маршировала колонна пополнения. Да такого, что у офицеров свело зубы.

В новенькой, чистой униформе, с огромными вещмешками за спиной, но все равно удерживая спины ровными, а головы гордо поднятыми, мимо пропахших потом и гарью мужчин маршировало до роты личного состава женского пола.

– Чтоб я так жил! – Бубликов тихонько присвистнул. – Это ж в какое подразделение таких набирают?

– Наверное, в обеспечение и связь, – негромко предположил растерянный не меньше товарища капитан Блинов. – Или в стрелки-операторы.

– Господин подполковник, может, нам из этих пополнение набрать? – Голос Бубликова приобрел бархатистый оттенок.

– Твое дело танки принять, – буркнул Преображенский. – А это... считай, телевизор посмотрел. Будь доволен «визуальным рядом».

Он сам с трудом оторвал взгляд от строя необычных новобранцев и пошагал в зону «24», где располагалась канцелярия кадровой службы, а заодно начиналась бегущая дорожка до адмиральского сектора. Капитаны

спохватились и догнали начальство секунд через пять.

Рейд на Реаниматор и затянувшаяся осада Лидии вырвали Пятую бригаду из относительно нормальной жизни на два месяца и увидеть после такой паузы сразу столько молодых, красивых женщин было, как взглянуть на солнце после недели в подземелье.

– Нет, ну понятно, что в десант их не запишешь, но в «танки» ведь можно, – рассуждал Бубликов. – Там хорошие стрелки-операторы всегда нужны.

– Хорошие или хорошенькие? – ухмыльнулся Блинов.

– Одно другому не мешает. Или в роту обеспечения... нашу. Поварихами. Это ж большая разница, кто кашу будет варить – мужик или баба. У женщины-то вкуснее получится. Ты, это, Блин, в кадрах провентилируй вопрос. Ну хотя бы трех-четырех для красоты пусть нам отрядят. Жалко им, что ли?

– Угомонись, – негромко проронил Блинов. – Нечего женщинам у нас делать. Тушенку в кашу мы и сами закинем, а больше нечего.

– Как это нечего! А моральный дух поднимать?

– Моральный дух? – Блинов хмыкнул, но не иронично, а скорее с горечью. – У нас сегодня три десятка пацанов полегло – моральный дух ниже плинтуса, а теперь представь, что на тех танках девчонки бы сгорели. Представил? Или что их шальной ракетой в ключья разорвало у тебя на глазах. Сильно после этого моральный дух поднимется? Забудь, короче. Барышням на войне не место. Не в боевых частях, во всяком случае.

– Да ну тебя. – Бубликов махнул рукой. – Нагнал тут жути. Я, конечно, не спец, на Каллисто женщины не служат даже поварами, зато у вас, на Земле, каждый второй солдат – баба... ну, не в том смысле, а женского пола... и ничего.

– Вот я и говорю, что знаю, почем фунт изюма. Когда в грязи ползаешь рядом и спишь вповалку на одном вшивом тюфяке, романтики, конечно, убавляется до мизера, а все равно где-то в глубине души постоянно свербит – не мужик рядом. Инстинктивно хочется то от пули прикрыть, то руку подать, то в тыл с каким-

нибудь срочным заданием отправить. А уж когда тебе в лицо ее кровь брызнет, с мозгами смешанная, или ее рваные кишки тебе под ноги вывалятся, вот тут инстинкты вообще орать начинают. Даже бывалым солдатам гормоны в голову бьют. В полный рост мужики встать норовят и на амбразуру броситься. Да что я тебе рассказываю, ты сам после штурма Больших Валов на Старте по марсианским окопам бродил, видел все своими глазами. Много «красоты» узрел?

– Ну, не знаю. – Бубликов пожал плечами. – Там все как-то не так было. Да и не видел я, если честно, ничего. В глазах красная пелена стояла, и все трупы на одно лицо казались. Адреналин ведь почти из ушей капал. Славно там поработали.

– Славно. – Блинов вздохнул. – А в тех окопах у марсиан женщины тоже были. Не половина, но треть – точно. Но ты прав, трупы все на одно лицо, хоть мужики, хоть бабы. Любоваться ими могут только извращенцы. Да и то особо чокнутые. Вот тебе и весь моральный дух.

– А в полный рост у марсиан, кстати, никто не вставал, – вдруг заметил Бубликов и хитровато подмигнул, – и собой тех баб они не прикрывали. Почему?

– Да импотенты они все. – Блинов махнул рукой.

Преображенский остановился у каюты кадровой службы, и увлеченные беседой офицеры едва не врезались бате в широкую спину.

– Никаких юбок, – обернувшись к Блинову, строго приказал комбат. – Полный взвод десанта, желательно, чтобы со спутников Юпитера ребята были или земляне, и четыре танковых «двойки» – тоже нормальных, в штанах. Времени тебе, Сергей Васильевич, до девятнадцати тридцати. Набрать личный состав, получить все документы, оружие-снаряжение и привести на челнок. В двадцать ноль-ноль стартуем. Капитан Бубликов, задача та же – к двадцати часам четыре танка должны стоять в трюме нашего корыта, принайтованные по всем правилам, а сам ты должен сидеть трезвый и непорочный в своем кресле. Понял?

– Насчет – непорочный. – Бубликов взглянул на командира искоса, скрывая мелькнувшую в глазах искорку. – Это приказ?

– Да.

– Так ведь не в первый раз технику получаю, господин полковник! Я мог бы по быстрому, а потом...

– Это приказ! Иначе второпях что-нибудь обязательно упустишь.

– Два месяца таких чудес не видели, господин полковник!

– Отставить нытье, капитан! И не подлизывайся, подполковник я пока что. В блиндаже вручную себя удовлетворишь, если уже к горлу подкатывает. Приказ ясен?

– Так точно, – Бубликов вяло козырнул. – Есть дрочить в блиндаже! Разрешите их хотя б сфотографировать, а то на память туго идет.

Преображенский с трудом сдержал смех, постучал согнутым пальцем по запястью, лишний раз напоминая о сроках, и выразительно взглянул на подчиненных. Те четко повернулись, один направо – ко входу в кадровую канцелярию, другой налево – к лифтам на нижние палубы, и, приклеив к лицам нарочито серьезные мины, сделали по три строевых шага. Досматривать, как ребята паясничают, подполковник не стал. Спустившись по пандусу, он шагнул на ленту движущейся дорожки, которая и понесла его в сектор «А», встречать высокую инспекцию из Генштаба.

В шлюзовом отсеке сектора «А» было полно народа. Где-нибудь на планетарном космодроме это можно было бы назвать столпотворением и даже посетовать, что терминал устарел и не справляется с нагрузкой, но на космобазе толкучка была нормальным явлением. Даже в адмиральском секторе. В армии и на флоте к условностям, вроде недоступности «ВИП-залов» для простых смертных, относились просто – таких условностей не существовало. Без необходимости, конечно, стыковочные шлюзы сектора «А» никто не использовал, но если ситуация того требовала, корабли швартовались к любым доступным причалам. Диспетчерская служба базы не сомневалась в собственной правоте ни секунды. Прибытие крупного пополнения было как раз таким авралом. Преображенский с трудом протиснулся к стойке дежурного и, перекрывая гомон толпы, представился.

– Семнадцатый! – крикнул диспетчер, указывая куда-то вправо. – Трофей «Аризона»! Прибыл восемь минут назад! Но пока не сойдут новобранцы, с верхних палуб никого не выпустят, можете не торопиться!

– Даже штабных? – удивился подполковник.

– Их в первую очередь. – Диспетчер подмигнул.

Преображенский криво ухмыльнулся – никто не любит начальство – и, кивнув офицеру, начал энергично проталкиваться к семнадцатому причалу, где ошвартовался трофейный транспорт «Аризона». Возможно, диспетчер был прав, и с борта бывшего марсианского корабля прежде новобранцев не сойдет ни один пассажир, но лучше было подстраховаться. Все-таки проверяющий из Генштаба – это не посыльный из канцелярии Первой армии. Это фигура на порядок выше. Ему могут сделать исключение.

До семнадцатого удалось добраться всего за пять минут, хотя плотность толпы на ста метрах пути от стойки до причала была просто селедочная. Отчасти успешному продвижению к цели способствовало то, что Преображенский был не слабым мужчиной, отчасти – уважение к погоням. Все-таки подполковник космодесанта это весомо. «Или берегут новенькую форму, боятся запачкаться, – Преображенский хмыкнул. – Свежее мясо». Он аккуратно подвинул плечом очередного новобранца. Парень стоял, вытянув тощую шею в попытке рассмотреть затерявшихся в толпе товарищей или хотя бы сориентироваться, под каким из многочисленных табло охрипшие сержанты пытаются сбить его родное стадо в подобие строя. «Чему тебя учили целый месяц в карантине, тормоз?» Подполковник обогнул баррикаду из вещмешков, пахнущих свежей трафаретной краской и пластиком черных, пока не затертых добела застежек, и перемахнул через низкое никелированное ограждение. До красной зоны шлюза оставался всего десяток метров, и на этом отрезке пути обнаружилось только одно условное препятствие – пять или шесть сержантов медслужбы, озирающихся с нормальным для новичков изумлением. Подполковник хотел было пройти прямо сквозь этот переминающийся в растерянности строй, но его будто кто-то дернул за рукав. Преображенского немного занесло влево, и он был вынужден остановиться. В противном случае ему пришлось бы сбить обмершего сержанта с ног. Павел остановился и навис горой над оторопевшим медиком. «Мобилизованные!» Подполковник выразительно взглянул на девушку-сержанта и качнул головой вправо: «посторонись!» Она подняла на десантника испуганный взгляд и кивнула, но шаг сделала не вправо, а влево. Поскольку

Преображенский собирался обогнуть ее именно с той стороны, они оказались в прежней позиции: нос к носу. Подполковник опрометчиво, опять кивком, предложил девице отойти влево, она тем же способом подтвердила получение приказа и шагнула, естественно, вправо. Преображенский кивнул вправо... После пятого реверанса девушка затравленно улыбнулась и пожала плечами, а подполковник рассмеялся.

- Вас намагнитили, что ли, сержант?

- Я не знаю, - девушка смутилась. - Я только прилетела. Извините, господин... подполковник, да?

- Давно в армии?

- Месяц. Я из медицинской академии с пятого курса добровольцем пошла. Учебка на Европе и сюда, на госпитальный корабль «Бурденко» средним медперсоналом.

- Понятно, - Преображенский вдруг почувствовал необъяснимое желание узнать эту девушку поближе.

Невероятно, но он даже на какое-то мгновение забыл о цели своего прибытия в семнадцатый сектор. Внешне сержант была хороша, но ровно настолько, чтобы на секунду задержать взгляд и пойти дальше. К месту Преображенского пригвоздила вовсе не внешность или фигура девушки, а то, что он увидел в глубине ее глаз. Там светилась та особенная искра, которую человеку суждено увидеть, может быть, раз в жизни, когда он встречает свою половину. Настоящую половину, для души, а не усладу для тела ниже пояса.

Нельзя сказать, что Павел никогда не увлекался особами противоположного пола настолько, чтобы задумываться о марьяже, как это называлось на родной Каллисто. В военной академии, как и все нормальные курсанты, он спал и видел, как пойдет в увольнение и проведет оба законных выходных в романтической обстановке первого свидания. Мечтал, как найдет единственную и неповторимую, как будет бродить с ней по старой Москве, любуясь домами, парками, иногда заглядывая в клубы и кафе. Грезил, как вдвоем будут они кататься на речных трамвайчиках и заночуют в уютном мотеле, где-нибудь в пригороде. Как он будет всю ночь читать ей чужие стихи и рассказывать о своих

подвигах, а она будет смотреть влюбленными глазами и с упоением слушать. Потом он начнет приставать, и она будет сопротивляться, но недолго. Она, конечно же, окажется девственницей, но он поможет ей преодолеть смущение, и первый сексуальный опыт наполнится для нее чувственным наслаждением, которое перевесит боль. А наутро они поклянутся друг другу в вечной любви и верности и так далее и тому подобное. Полная чушь, короче.

Чаще всего увольнения проходили неромантично. Сразу за воротами академии стоял плотный строй «волшебниц», исполняющих любые желания, и двое суток увольнения проходили в дыму и алкогольных парах дешевого борделя. Но грезить курсант Преображенский все равно продолжал. Когда же до него дошло, что ни в бардаке, ни в грезах единственную не найти, было поздно. Отзвенели подброшенные в воздух монетки, отстреляло шампанское, и лейтенант Преображенский убыл по распределению в Пятую КДБ, расквартированную в то время на Гефесте. А на той жаркой планете женщин не было вообще. Ни в гарнизоне, ни в охраняемых десантом шахтерских поселениях. Позже, когда Преображенский дослужился до капитана, а Пятую бригаду наконец-то бросили в настоящее дело, Павел встретил одну женщину из техперсонала орбитальной станции «Мойра», что висела над гористой Грацией, но тот роман угас, едва начавшись. После этого Павел встречал немало женщин, однако ни с одной так и не завел серьезных отношений. Если честно, грезы грезами, а в действительности все эти условности, вроде ухаживаний и глупых галантностей, его утомляли. Даже в юности. Тут, видимо, сказывался развращающий опыт общения с платными жрицами любви. За ними ведь ухаживать не приходилось. Хотя, возможно, дело было не только в этом. Он не приударял за дамочками не потому, что ему было лень ухаживать, а потому, что просто не созрел для этого. А если ты не созрел, какой смысл тратить время и энергию? Такую позицию можно назвать циничностью развращенного человека, но вряд ли тут все настолько однозначно. Продажная любовь, конечно, способна убить веру в светлые чувства, но вера – не чувства. Можно не верить в настоящую любовь, но когда она придет – влюбишься, как пацан, никуда не денешься. Для себя Преображенский решил, что все дело в воле Провидения. Тогда, на «Мойре» (что символично), Провидение решило, что пока еще не время, и возражать ему было глупо. Зато сейчас...

– Вам надо выбраться из сектора, сержант, – не отводя взгляда, будто стараясь впитать все тепло горячей искорки, сказал подполковник. – «Бурденко» пришвартован к шестому шлюзу зоны «Б». Видел сам, я только что оттуда.

– Спасибо, господин... – девушка вдруг тоже замерла. Возможно, она наконец осознала, что Преображенский смотрит на нее слишком заинтересованно.

– Подполковник Преображенский, Пятая космодесантная, – он протянул руку. – Павел.

У кадрового военного, пусть и женщины-сержанта, отпала бы челюсть, представься бравый десантник первым, да еще вот так, будто штатский на танцуйках в колониальном дансинге. Но девушка отреагировала нормально, даже немного нарушила субординацию. Она пожала его руку и усмехнулась. Видимо недостатка в кавалерах она никогда не испытывала и ожидала чего-то подобного. Ну, может быть, не так вот сразу, с порога.

– Яна.

Представилась она тоже, как на гражданке, но подполковник не нашел в себе сил, чтобы приказать Яне представиться, как положено – звание, фамилия, подразделение. Преображенский по привычке опустил взгляд на грудь сержанта, чтобы рассмотреть вписанную в прямоугольник фамилию, но нашивку прикрывала лямка вещмешка. Выглядывали только две последних буквы «ко». Что-то украинское. Девушка снова усмехнулась, теперь уже снисходительно, и подполковник смутился – вообще невероятное явление! Объяснять, что он интересуется трафаретом, а не красивой, несмотря на маскировку униформой, грудью, было бы глупо, и подполковник просто отвел взгляд.

– Спасибо за информацию, господин подполковник, – Яна еще разок улыбнулась, теперь уже дружески, и, не спрашивая разрешения, упорхнула к хихикающим подругам.

Преображенский шумно выдохнул. Если честно, он не понял, вызвал ли у девушки интерес. Вроде бы да, ведь не почудилась же ему искра в ее глубоких синих глазах. С другой стороны, кто знает, что это была за искра, может, эта Яна по жизни такая «искренняя», со всеми, а не только со случайно подвернувшимся офицером-десантником.

«Интерес, – Павел вздохнул. – Грязный, наспех побрившийся, пропахший кровью, потом и гарью неотесанный солдафон. Какой уж тут интерес? Хотя, у женщин своя логика. Особенно у хорошо образованных. Их частенько под таких гиббонов

заносит – диву даешься... Черт, время!»

Преображенский мельком взглянул на табло. На нем как раз зажглась надпись «очистить красную зону, переход личного состава!»

– А вы ей понравились, подполковник. Уж поверьте мне, как опытному психологу.

Преображенский обернулся, вытянулся и отдал честь.

– Подполковник Преображенский, Пятая космодесантная бригада.

– Да, да, я знаю.

Перед Павлом стоял полковник в униформе ВВС. Поскольку на космической базе никакой атмосферной авиации быть не могло, откуда прибыл и какое ведомство на самом деле представляет этот полковник, угадать было несложно.

Для большой шишки из Генштаба он выглядел неубедительно. Невысокий, пухлый азиат с дежурной, будто приклеенной улыбкой. Униформа новая, даже не подогнанная и толком не отутюженная. Ботинки начищены старательно, но не до блеска. Ни ремня с кобурой, ни кортика полковник к униформе не добавил, хотя в военное время хоть какое-то оружие полагалось носить всем без исключения. Причем, обязательно на виду. Получалось, что инспектор из Генштаба и сам небезупречен. Или это знак расслабиться и не накручивать лишние мысли? Возможно. Но в чем тогда смысл проверки?

– Полковник Ли, Генеральный штаб, – представился инспектор.

Преображенский взял у проверяющего багаж – потертый кожаный кейс и указал на выход из сектора.

– Наш челнок пришвартован в другой зоне. Прошу следовать за мной, господин полковник.

– Не спешите, Павел Петрович. – Ли придержал Павла. – У меня есть одно конфиденциальное дело на базе. Во сколько мы вылетаем?

– В двадцать ноль-ноль.

– Ага, в восемь, – инспектор задумался, будто что-то высчитывая в уме. – Сейчас почти четыре... Отлично. Встретимся у причала в половине восьмого. Идет?

Судя по цивильным выражениям, этот полковник определенно был из числа мобилизованных. Вот уж проверяющий! Что он сможет увидеть и понять, если не знает половины военных слов. «Полвосьмого, – Преображенский хмыкнул. – Ну, да нам же проще. Покажем ему общие виды, угостим трофейным джином или водкой с хреном, подарим сувенир – хороший нож, например – да и отправим восвояси».

– Договорились, – расслабился Преображенский. – Жду вас в девятнадцать тридцать у причала номер восемь в секторе «Б».

Инспектор растянул улыбку во все круглое лицо и кивнул.

– И она вам понравилась, я же вижу. – Он этак по-дружески погрозил пальцем десантнику. – Высшие силы скрытны и не любят показывать нам будущее, но иногда в тумане событий образуется просвет и увидеть перст судьбы становится нетрудно. Пользуйтесь этим редким случаем, господин Преображенский.

– Я не совсем понимаю, господин полковник, – Павел отлично понимал, на что намекает Ли, но справедливо считал, что это не его собачье дело. Генштаб с дурацкими инспекциями отдельно, а сердечные дела проверяемого личного состава отдельно. Как те мухи и котлеты.

– Полно вам, Павел Петрович. – Ли усмехнулся, словно прочитав его мысли. – Да, это не мое собачье дело, но вспомните историю своей семьи. И ваши родители, и бабушка с бабушкой по отцовской линии познакомились вдали от родового имени на Каллисто, более того – на космических трассах, не так ли? Разве вы не видите в этом ничего мистического? До вечера, подполковник.

Не дожидаясь ответа, Ли развернулся и пошагал к эскалатору на уровень «А-3» – верхнюю палубу, где располагался штаб Первой ударной и апартаменты командующего армией генерал-полковника Овчаренко. Преображенский почему-то был готов поспорить, что никакого дела у этого сводника из Генштаба на базе нет и он просто дает подполковнику шанс заложить фундамент будущей личной

жизни. Предположение было чересчур смелым – с чего вдруг инспектору из Генштаба заниматься такими странными вещами? – но ничего иного в голову не приходило. В первую очередь потому, что Ли очень неплохо разобрался в истории семьи Преображенских. Может, на самом деле он прилетел «инспектировать» вовсе не бригаду, а некоторых офицеров. Например, тех, кто входил в, мягко говоря, не афишируемый «клуб генерала Гордеева». С одной стороны, ничего плохого члены «Возрождения» – неформального объединения офицеров-дворян – не замышляли, но с другой – мало ли, как эту идеологическую игру воспринимают в Генштабе. Может быть, то, что офицеры, сумевшие откопать свои дворянские корни, блокируются и в частных беседах обращаются друг к другу по титулам предков, никого не волнует, а может быть, наоборот – настораживает или просто раздражает. Павел уже не раз слышал брюзжание насчет того, что титул «князь всея Каллисто» или «их сиятельство граф Ганимедский» – звучит нелепо. Брюзжали в основном те, кому никакой титул не светил ни при каких обстоятельствах. Если проверяющий на самом деле особист, вполне возможно, что он копает под Гордеева и его «дворянский клуб». Но тогда получается, что, обнаружив интерес к древнему роду Преображенских, Ли снова себя выдал.

«Странный этот инспектор, очень странный. И вообще все сегодня складывается как-то не так, как-то слишком удачно и мирно, будто бы там, внизу, на планете, не горят танки и не гибнут люди. Будто бы у любого из толпящихся на „Альфе“ новобранцев и ветеранов впереди еще долгая, счастливая жизнь и строить планы на будущее – правильно и своевременно. А ведь каждый второй из тех, кто сегодня спустится на планету, вряд ли доживет даже до завтра. Ну и пусть! – Преображенский оглянулся немного растерянно. Он вдруг понял, что в ближайшие четыре часа ему абсолютно нечего делать. – Ну и пусть война. Пока живы – надеемся».

Он протолкнулся к дорожке, бегущей в сектор «Б», встал на ее рифленую поверхность и вытянул шею.

«Если она где-то здесь, значит, Ли был прав – это судьба».

Преображенский знал, что лукавит. Яна не могла уйти далеко. Даже не видя ее в толпе, к дорожке транспортера Павел шел с точно рассчитанной скоростью, чтобы встать на движущуюся ленту в двух-трех шагах позади смешливых сержантов-медиков с «Бурденко».

Они действительно стояли в трех метрах впереди, в окружении десятка таких же непуганых и не опаленных войной десантников-новобранцев. Парни шутили, девушки смеялись. Павел вдруг подумал, что если сейчас подойдет, то на фоне свежих, румяных и жизнерадостных парней рискует выглядеть и вовсе непривлекательно, но не подойти он просто не мог. Его тянуло к Яне со страшной силой.

«Наваждение, да и только! – Преображенский покачал головой и оправил униформу. – Десять минут назад я и не подозревал, что эта барышня существует, а сейчас теряю голову, как прыщавый кадет. Вот и не верь после этого в судьбу».

Он шагнул к веселой компании и похлопал по плечу рядового, наиболее активно заигрывавшего с Яной. Солдат недовольно обернулся, но увидев целого подполковника космодесанта, вытянулся по стойке смирно и проямлил нечто вроде «здравияжелаю». Яна, вопреки опасениям Преображенского, вздохнула с облегчением. Видимо, шуточки юнцов ее уже достали.

– Надоедают? – пробасил Преображенский и чуть иронично взглянул на замерших солдат. Стоять «смирно» на движущейся ленте было не так-то просто, но они стояли. Павел взглянул на ребят повнимательнее и пришел к выводу, что они либо его земляки, либо европейцы. Ну, или с других спутников Юпитера, а может, Сатурна. Но точно не земляне и не колонисты.

– Вы решили показать мне дорогу? – она улыбнулась Павлу, чем окончательно разрушила все матримониальные надежды несостоявшихся кавалеров.

– Да, нам по пути.

– Яна, ты помнишь, мы хотели заскочить... – шепнула одна из девушек-сержантов, – в одно местечко.

– Я помню, – отмахнулась Яна. – Успеем. До семи еще три часа. Бросим вещи и заскочим.

– Предлагаю поступить так. – Преображенский перевел взгляд на ближайшего солдата. – Вы...

– Рядовой Стольников, господин подполковник!

– Предписание имеется?

– Так точно! – Он гордо выпятил грудь и не преминул покоситься на девушек. – Пятая космодесантная бригада, первый батальон!

– Остальные туда же? – Преображенский усмехнулся и еще раз обвел взглядом солдат.

– Так точно! – Новобранцы ответили нестройным хором.

– Отлично, значит, и вам по пути. Донесете вещмешки сержантов до госпитального корабля.

– Есть!

– Стольников, вот этот вещмешок донесешь лично. Ясно?

– Так точно!

Подполковник указал рядовому на поклажу Яны, а затем взглянул на ее подругу. Та кивком дала понять, что сообразила и проследит, чтобы вещи сержанта медслужбы Яны ...ко были доставлены рядовым космодесанта Стольниковым к месту службы сержанта в целостности и сохранности. Ну то есть она-то просто кивнула, а перевод с языка жестов на военно-русский Преображенский сделал сам.

– Прошу. – Преображенский указал Яне на проплывающий мимо бортик и сошел с дорожки.

Девушка выразительно взглянула на подруг и сошла тоже. Подруги только проводили ее завистливыми взглядами.

«Зря напрягался. – Павел приосанился. – Чистенькие мальчики интересны скучающим домохозяйкам „под полтинник“. А девушки „около двадцати“ любят молодых небритых подполковников. За силу и натиск».

– А вы молодец. – Яна подняла на него насмешливый взгляд. – Прямо-таки не десантник, а кавалерист – с места в карьер. Сколько мы с вами знакомы, минут пятнадцать?

– Дольше, – Павел улыбнулся и попытался заглянуть ей в глаза, как это умел делать Бубликов – подполковник однажды наблюдал за этим шоу. Видимо, получилось скверно, поскольку Яна прыснула от смеха.

– Вам кажется, что вы знали меня всегда или видели в каждом сне? – Она покачала головой. – Обычно выбирают между этими вариантами.

– Кто выбирает?

– Все, кто ко мне подкатывает.

– И много таких?

– Вы же видели. – Она вдруг взяла Павла за руку. – Но вы же не собираетесь ревновать? Военные чином ниже подполковников меня не интересуют.

– И много подкатывало подполковников?

– Вы первый. – Она рассмеялась. – А вы просто так ссадили меня с ленточного транспорта или у вас есть план?

– План? – Преображенский на секунду растерялся. – Ну, я... могу показать вам базу или можно посидеть в офицерском клубе. Там неплохо кормят.

– Я ведь сержант.

– Вы со мной.

– А кофе там подают?

– Натуральный, бразильский.

– Это решает все! – Яна снова рассмеялась. – Хорошо. Идем в клуб. Но в семь часов я должна явиться к начальнику госпиталя.

– Прибыть, – невольно исправил ее Преображенский. – У нас уйма времени. Нам вон туда, к эскалатору на уровень «Б-2».

* * *

Пленные бесправны. Это главное условие плена. Все эти наблюдатели от Совета Объединенных Наций и независимые борцы за права человека не в силах изменить существующее положение дел. Охранникам в военной тюрьме, особенно роботам, на вопли правозащитников откровенно плевать. У них есть правила внутреннего распорядка, масса неписаных законов и программ, по которым они живут и функционируют. Главный из этих законов – возмездие. Зарядил винтовку – получи сдачи. Не смог побить врага – он будет бить тебя. Сколько ему вздумается. Все просто. Зуб за зуб.

После десятого удара резиновой дубинкой по спине, рядовой Депп потерял чувство реальности. Ему казалось, что он попал не в трюм корабля-тюрьмы, а в гигантскую бетономешалку. С каждым оборотом бездушный строительный механизм низко ухал и бросал пленного от одной железной стенки к другой, больно припечатывая ноющей спиной к заклепкам и ребрам жесткости.

На самом деле стенки камеры были гладкими, без ребер, и корабль не болтало. Это охранники играли в хоккей резиновыми дубинками, а вместо шайбы у них был Депп. После корректного пленения и относительно приличного обращения на пересыльном пункте космобазы «Альфа», порядки на борту тюрьмы казались просто ночным кошмаром наяву.

– Встать, урод! – потребовал один из охранников, тот, что постоянно норовил попасть дубинкой в пах. – Смирно!

Депп кое-как поднялся на ноги, но выпрямиться не сумел: в животе все сжалось в комок, и любая попытка принять строевую стойку оборачивалась жуткой болью. Отбили, наверное, что-то.

– Чего согнулся, козел?! Встать прямо, нах!

Еще один удар, теперь в живот. Сковывающая боль разлилась выше, и Депп с ужасом понял, что не может дышать. Он рухнул на колени, раскрыл рот, выпучил глаза и захрипел.

- Чмо марсианское, - с презрением бросил охранник и плюнул Деппу в лицо. - Болт, Рыжий, оттащите это говно в сто тридцатую, к пидорам. Там ему только и место, нах. Робот, следующего!

Путь до сто тридцатой камеры был долгим и полным страданий. Охранники не очень заботились об ощущениях пленного, держали его небрежно, трясли и периодически грубо швыряли на перегораживающие коридор решетки, ожидая, пока корабельная система безопасности идентифицирует конвоиров по лоснящимся физиономиям. Наконец все закончилось. Депп получил последнюю на сегодня оплеуху и растянулся на полу камеры.

Минут десять он лежал, мучаясь от сковывающей боли в животе и ломоты в превратившейся в сплошной синяк спине, но потом ему немного полегчало, и он поднял голову. Камера была не тесной, судя по количеству нар - десятиместной. Правда, сидело в ней человек сорок. Депп вспомнил, что говорил охранник, и попытался присмотреться к сокамерникам повнимательнее. Перед глазами долго плавали радужные круги, но в конце концов зрение вернулось. На обещанных надзирателем геев эти люди не походили. Впрочем, Депп слабо представлял себе, как должен выглядеть этот контингент в тюремном варианте. На воле это чаще всего были ухоженные, деликатные и неагрессивные люди.

Заметив, что новичок приходит в себя, трое ближайших к нему сокамерников переглянулись и придвинулись еще ближе.

- Лидиец? - спросил один.

- Да. - Депп на всякий случай отодвинулся к решетчатой двери.

- Чего шарахаешься? Тут все свои. Тебя Гитлер так обработал?

- Кто?

– Сержант-надзиратель Гиле, – пояснил сокамерник. – Мы его Гитлером называем. Скотина редкостная.

– Он же с Титана, – фыркнул второй из троицы. – Там все чокнутые. Накурятся своей «шванки» и звереют просто. Тебя, лидиец, как зовут?

– Депп. Гарри Депп.

– Я Олаф. – Сокмерник протянул руку. – А это Себастьян. Мы с Натали. А вот он – Джин, марсианин.

– Рад познакомиться, – Депп пожал им руки и невольно поморщился от боли. Гитлер и его помощники отбили, казалось, все, что можно.

– В следующий раз, когда бить будут, пальцы береги, – посоветовал Олаф. – Под мышки руки прячь. Группируйся.

Депп представил себе следующий раз и содрогнулся.

– Часто это у вас?

– Бьют? Каждый день. Кого-нибудь обязательно списывают.

– В смысле – убивают?

– Здесь это называется «списывать». Они же на каждого из нас по шестнадцать евро в день получают – ну, на питание, воду, мыло и прочее. А «списанных» ведь можно не сразу из ведомостей вычеркивать. Обычно через неделю это делают. Вот и считай – шестнадцать на семь – по сто двенадцать монет с каждого трупа капитану, старпому и Гитлеру в карманы ложится.

– А как потом они это... объясняют?

– Кому? – Олаф горько усмехнулся. – Правозащитники сюда не прилетают – военный объект, «соновцев» тем более не дождешься, а инспекторы из штаба взятки берут. Я здесь уже полгода – ни одного разбирательства не было. Даже когда полковника с Данаи забили. Обычно офицеров сильно не рихтуют, а тогда

перестарались, умер данаец. Но и тут все им с рук сошло. Гитлер про попытку мятежа и план побега историю сочинил, капитан упоил комиссию хреновухой, а старпом кому-то из проверяющих пацана привел. Так и договорились, замяли дельце.

Депп опустил голову. Он совершал в своей жизни немало ошибок, но ни одна из них не была столь непростительной. Надо было поднять тревогу и спокойно погибнуть от руки того подполковника. Умер бы в бою с космодесантом, как герой. И не пришлось бы долго и мучительно подыхать под дубинкой какого-то Гитлера. Или того хуже – не умереть, но превратиться в опущенную, забитую тварь и мучиться потом всю жизнь.

– Ты не вешай нос, Гарри, – посоветовал молчавший до сих пор марсианин. – Скоро все изменится.

Депп поднял на него отсутствующий взгляд.

– Все марсиане так говорят. Только не делают ничего. У нас в форте майор Джемисон есть, так он тоже обещает контрудар со дня на день.

– Вот именно. – Джин многозначительно выгнул бровь. – Майор-то, наверное, знает, что говорит.

– Мясник Джемисон? – Депп покачал головой. – Все, что он знает, как содрать с солдата три шкуры. Тоже вроде Гитлера. Только этот Гиле над врагами издевается, а тот над своими. Ты прости, Джин, но не верю я твоим сопланетникам. Ни на цент не верю.

– Потому и пятимся, – с горечью произнес марсианин, – что не верим друг другу.

– Не пятимся, а ползем на четвереньках, – вздохнул Себастьян. – А земляне нас то и дело догоняют и имеют. Любыми подручными средствами.

– И все-таки скоро вы убедитесь, что я прав, – упрямо заявил Джин. – Контрудар будет. Да такой, что Федерация рухнет, как подкошенная.

– Ты что, видел планы марсианского Генштаба? – Олаф махнул рукой. – Надеяться в тюрьме не запрещено, только на что-нибудь попроще, на что-нибудь не такое фантастическое. Что бить будут через день или что пайку увеличат. Ближе к реальности надо быть, Джин, ближе к реальности.

– Что там за юноша? – слышалось из дальнего угла камеры. – Индеец проснулся, – поморщился Олаф.

– Настоящий? – искренне удивился Депп.

– Почти. Ты с ним не спорь и вообще веди себя так, будто он тут хозяин. Но сильно не гнись, а то затюкает.

– Ходить сюда, – с явным колониальным акцентом лениво приказал Индеец.

Депп с трудом встал и подошел, опираясь о нары.

– Привет, – он пошарил взглядом среди сопящих вповалку тел и наконец вычислил «смотрящего». На его нарах было почти просторно: только сам Индеец и какой-то худосочный парнишка. На реального индейца «камер-босс» не тянул. Жирные, несмотря на скудный тюремный паек, телеса, сальные черные патлы почти до плеч, приплюснутый нос и чуть раскосые масляные глазки. Обросший эскимос, а не индеец. Впрочем, помнится, в школе говорили, что эти расы довольно близки, особенно если брать североамериканские племена. Не хватало кожаных штанов, жилетки с бахромой и мокасин. Вместо них на Индейце были форменные марсианские бриджи, грязная тюремная майка и один замызганный тапок. Вместо томагавка тип держал ложку, хотя ничего в данную минуту не ел.

– Лидия, да? – Индеец попыхтел немного и как бы невзначай добавил: – Тапок упал, не видишь там?

Депп, ни о чем не подозревая, наклонился и почти уже заглянул под нары, но вовремя сообразил, что это провокация.

– Там он, под нарами, если надо, лезь сам.

Индеец беззвучно рассмеялся и кивнул.

- Потом достану. Гитлер бил?

- Как всех.

- Не всех, - толстяк погладил себя по пузу. - Держись меня, будешь сыт и цел.

- Только не на жопу, - пробурчал кто-то на верхних нарах.

- Спать, скво! - не оборачиваясь, бросил Индеец. - Как тебя зовут, лидиец?

- Гарри.

- Хорошо. - Индеец благосклонно указал на пол. - Сесть, друг Гарри. Хочу говорить. Что там на Лидии?

- Держимся. - Сесть хотелось до головокружения, но Депп остался на ногах. - Скоро третий месяц пойдет.

- Силовые купола, да? - Толстяк понимающе кивнул. - Хорошая защита. Трудно взять.

- Из сотни фортов только два сдали, да и то сами. Коменданты землянам продались.

- А ты, из какого форта?

- Гатлинг.

- Мясника Джемисона выкормыш, - снова прилетел комментарий, теперь с других нар. - Да, этот майор не сдастся. Всех положит, а не сдастся...

- Герой, - сказал еще кто-то.

- Идиот, - возразил первый комментатор. - Только среди русских встречаются вменяемые люди с такой упрямой задницей.

- Он ирландец.

- Вот я и говорю, раз не русский, значит, идиот.

- А ты почему здесь, Гарри? - Индеец с подозрением прищурился. - Если форт не взят, почему федералы тебя сюда привезли?

- Я в дозоре был. - Депп замялся. - Ночью. Земляне как раз на штурм собрались. Всех часовых перерезали, а мне повезло.

- Успел клешни в небо воткнуть, - презрительно бросил кто-то из расположившихся ближе к дверям. - Вояки, мать вашу!

Депп сжал кулаки и хотел ответить, но Индеец его опередил.

- Гарри мой друг, Смит, не обижай. Или напомнить, как ты сюда попал?

- Обыкновенно попал. Контузило.

- На бабе муж застукал и сковородкой контузил, - проблеял кто-то из команды Индейца. - Потом связал, трахнул и землянам сдал.

- А ты свечку держал?! - завелся Смит.

- А чего ж ты связанный и без штанов в плен попал?

- А ты это видел?

- Гитлер рассказывал! Я сам слышал!

- Когда сосал у него?!

- Заткнуться, - оборвал перепалку Индеец. - Ты, Гарри, отдохни. Вижу, устал с дороги. Завтра говорить. Только у двери не ложись. Там чужие, видишь? Здесь место выбери.

Депп оглянулся. Места на нарах не было, только если спать полусидя, навалившись кому-нибудь на плечо. Когда на тебе нет живого места, спать так просто нереально. Но идти к «чужим» было боязно. Индейских прихвостней в камере было больше. Он встретился взглядом с Олафом. Тот сидел у стенки примерно посередине между нарами «смотрящего» и тем местом, откуда доносился голос явно неуважаемого в сто тридцатой Смита. Наталиец указал на место рядом с собой, и Гарри побрел к нему. Матраса или хотя бы подстилки там не было, но сейчас ноющей спине Деппа был милее всего именно ровный холодный металл палубы. Под аккомпанемент напряженного сопения Индейца и невнятных комментариев еще нескольких пока не спящих арестантов, он доплелся до места и растянулся между Олафом и Себастьяном.

– Все правильно сделал, – шепнул Олаф. – Можешь спать спокойно. На соображалку проверили, а ребра завтра будут считать. После Гитлера.

– За что? – так же едва слышно простонал Депп.

– Такие порядки. – Олаф вздохнул. – На здешнем языке это называется «натурализация».

* * *

Запись повторилась, наверное, в десятый раз, и генерал Фьюри в десятый раз прошептал единственное слово: «Поздно». Двадцать пять черных силуэтов прошли идеальным строем на фоне Луны, чтобы, одновременно сверкнув зеленоватыми обручами прыжковых контуров, исчезнуть во мраке гипердрайва. Строго говоря, в гиперпространстве не было ни мрака, ни света, но сейчас эти тонкости не имели значения. Перехватчики из авангарда приближающейся к Земле марсианской группировки войск опоздали, и это опоздание могло стоить марсианам победы. Позволив этим космолетам стартовать с секретной базы на Луне, Фьюри поставил Марс на грань поражения, сомнений не было. Генерал отлично знал, что это за машины и зачем они взлетели, знал это без подсказок проштрафившейся разведки. Эскадрилья дальних стратегических бомберов «Марк-3» могла взлететь только с одной целью: доставить свой чудовищный груз к цели. А целью могла быть любая планета Альянса, даже сама метрополия... Фьюри похолодел. Нет! Только не Марс! Точно не Марс! Бомберы стартовали самостоятельно, а не прошли через портал в орбитальной точке «Омега», значит, направились куда-то за пределы Солнечной. Куда конкретно

они пошли и как их теперь остановить, генерал себе не представлял. Но это не избавляло его от обязанности предпринять хоть что-то, чтобы перехватить бомберы. Разослать предупреждения во все Колонии? И что это даст, кроме паники? Все войска Альянса, за исключением Шестого флота, стянуты в Солнечную, и успеть на выручку какой бы то ни было Колонии нереально. Объявить об эвакуации? Кроме все той же паники, это предупреждение не даст ничего. А паника сразу на всех Колониях – это первый шаг к полномасштабному кризису. Возможно, земляне этого и добиваются. Даже наверняка. А если нет? Если они действительно решили нанести удар по одной из Колоний?

Рука сама потянулась к компу.

– Я бы этого не делал, генерал, – негромко, но твердо произнес неожиданно появившийся в кабинете Тайный Советник президента Даймонд.

– Здравствуйте, Советник. – Фьюри опустил руки. – Чего бы вы не сделали?

– Не устраивал бы паники на Колониях. Намерения землян понятны, они пытаются нас запугать. Если мы поддадимся на провокацию, контрудар будет сорван. Нам следует идти до конца, не отвлекаясь на мелочи.

– На мелочи?! Мистер Даймонд, сто ракет класса «Кайтен» с термоядерными боеголовками это не мелочь! Это гарантированное уничтожение любой планеты!

– Успокойтесь, генерал, земляне ничего не сделают. – Даймонд подошел вплотную. – А если и сделают, вы не сможете им помешать.

– Но я могу спасти...

– Кого? Вы знаете, где выйдут бомберы? У какой Колонии из дюжины оставшихся под нашим протекторатом? Нет? И что же вы предлагаете, эвакуировать, кого возможно, со всех двенадцати? Вы представляете, что начнется?

– Планы экстренной эвакуации имеются на всех планетах.

– А вы пробовали воспользоваться этими планами, хотя бы в целях тренировки? Если ядерного удара не последует, но из-за ваших опасений в Колониях

начнется хаос, земляне победят без единого выстрела и взрыва. Одолеть хаос и панику на дальних планетах будет не так-то просто, а это будет означать, что мы отрезаны от тылов. Не мне вам объяснять, что в таком автономном режиме много не навоюешь.

Фьюри опустил взгляд:

– У меня плохое предчувствие, мистер Даймонд.

– Это не повод для паники, генерал. И уж тем более не повод отменять контрудар. Действуйте, как запланировано Генштабом. Ваш фронт здесь, на подступах к Земле, а с бомберами разберутся те, кто отвечает за дальние рубежи.

– Там некому разбираться. Стивенсон блокирован, адмирал Гамильтон тоже застрял у Лидии. Кроме этой планеты, все прочие беззащитны.

– Значит, нам следует активизировать свои действия здесь, в Солнечной. Чтобы показать землянам, что мы не поддадимся на провокацию. Забудьте о «Марках», генерал, забудьте, словно их и не было.

Фьюри поднял взгляд на проекцию тактической карты. Пока наступление шло по плану. Осталось дожидаться подхода Шестого флота с мощной космопехотной группировкой генерала Стивенсона на бортах и можно начинать штурм Земли. Генерал Фьюри вывел на экран свежие сводки и углубился в изучение оперативной обстановки. О стартовавших полчаса назад с Луны бомберах он больше не вспоминал.

Советник Даймонд неслышно вышел из кабинета Фьюри и, остановившись у лифта, потер виски. Несмотря на хорошую подготовку, каждый сеанс «промывки мозгов» упрямым генералам доставлял Советнику легкую головную боль. Но тут уж ничего не поделаешь, приходилось жертвовать здоровьем ради благой цели. Благой, конечно, не для всех, но где это видано, чтобы глобальная политика стремилась к всеобщему благу? К выгоде для избранных – да, к идеальному мироустройству – нет. Даймонд усмехнулся. Кроме себя, других избранных он в Галактике не встречал. Он точно знал, что пришел его час, время выйти из незаслуженной тени и занять подобающее место. И пусть ради этого погибнут миллионы – так даже выгоднее. Тем легче будет взять власть в свои руки, когда

измотанное войной человечество взмолился о пощаде и призовет самого достойного встать у штурвала.

То, что самым достойным обычно становится не самый честный и умный, а самый богатый и влиятельный, Даймонд усвоил давно и прочно. А кто богаче и влиятельнее Тайного Советника марсианского президента? Еще немного войны, и можно будет с уверенностью сказать – никто! Пока вровень идут два-три колониальных бонзы, например, президент Колонии Лидия или канцлер богатейшего Рура, но очень скоро и тот и другой отстанут навсегда. Очень скоро с Даймондом не сравнится никто в Галактике! Он уже богаче всех, а еще немного войны, и он станет тем, кем мечтал стать всю свою жизнь – мессией! Не напрасно же ему выпало стать Тайным Советником президента Марса, избранником, хранящим секретные знания и навыки ушедших поколений. Не может же быть, чтобы судьба сделала его сверхчеловеком только ради сохранения этого вида в природе! Это глупо! Нет, у мистера Даймонда иная миссия.

Советник нервно потер ладони. Успех был близок. Оставалось сделать лишь несколько коротких шажков ему навстречу.

3. Июль 2290 г., Колония Лидия.

По времени планеты в зоне ответственности Пятой бригады было не так уж далеко за полдень, но десантники жили по своим часам. Когда челнок пристыковался к шлюзу линкора «Уран», флагмана соединения кораблей бригады, часы в навигаторе отбили двадцать один по Гринвичу. По тому, который на Земле, конечно, а не по среднему времени пятого спутника Колонии Форест.

– Господин полковник... – Капитан Воротов встретил комбата, ротных и проверяющего у трапа.

– Не надо. – Ли махнул рукой. – Я не сомневаюсь, что у вас все в порядке, Ярослав.

Воротов с трудом скрыл удивление.

- Гордеев прибыл? - спросил Преображенский.

- Десять минут назад. - Воротов отдал честь командиру и шагнул в сторону.

- Разгружайтесь, - бросил комбат, сразу всем троим ротным. - Господин полковник, прошу сюда.

Он указал на выход из шлюзового отсека, украшенный синей пятеркой во всю переборку, от верхнего до нижнего механического запора.

Когда начальство скрылось за дверью, Воротов обернулся к товарищам и вопросительно взглянул на Блинова, а затем на Бубликова.

- Странный «полкан»... Как там на «Альфе»?

- Слава, ты пропустил полжизни! - Бубликов мечтательно закатил глаза. - Там такие! Чума!

- Карантин? - недопонял Воротов.

- Сам ты карантин! Там баб половина пополнения!

- Баб? Каких еще баб?

- Ну таких, с ногами и сиськами. - Бубликов рассмеялся. - Забыл уже?

- А-а, - подыграл Воротов, - смутно припоминаю. Еще стишок такой есть: «За каламбуром каламбур рождается в мозгах, кругом стада набитых дур, вся разница в ногах». Хоть одну привезли?

- Кем? У нас в штатном расписании ни одной подходящей должности.

- Хватит тебе слюну пускать, - сказал Блинов. - Идем разгружаться.

– А чего разгружать? Танки как раз на месте стоят, они груз транзитный. А пацанов я вмиг пересчитаю и взводному сдам. Свободны, господа капитаны, справлюсь без вас.

– Новый лейтенант, откуда родом? – поинтересовался Воротов.

– Да уж не с Марса, вестимо. – Блинов усмехнулся. – В последний момент его нашел. Мы уже грузились, а тут как раз транспорт с Ио прибыл.

– Опять «пиджак» мобилизованный? – Капитан Воротов скривился. – На Ио одни вулканологи живут.

– Ты не дослушал. Он там в госпитале отлеживался. А родом с Земли. Африканец.

– Иди ты! Негр?! Бубликов, и ты согласился?

– Чернее сапога. – Бубликов, стирая ухмылку, погладил тонкие пижонские усики. – Но послужной список – на нас троих хватит. Успел повоевать от души. Чего ж мне не согласиться?

– А особисты что сказали? Они ведь к черным с недоверием относятся. В каждом марсианского шпиона видят.

– Ничего не сказали. Попробовали бы вякнуть. У него два боевых креста и благодарность от замначальника Генштаба. Нормальный товар Блин подогнал, я доволен. И старшину где-то отрыл приличного.

– Тоже негра?

– Немца. Но тоже с Земли.

– Думаешь, уживутся? – засомневался Воротов.

– Увидим. – Бубликов пожал плечами. – А что тебя смущает?

– Не знаю. – Воротов потер коротко стриженный затылок. – У меня Дитрих постоянно с Розенбергом лаются.

– Если бы Мойша Розенберг не доказывал с пеной у рта Фрицу Дитриху, что он тоже чистокровный ариец, все было бы нормально, – заметил Блинов. – Вот эти националистические мелочи нам и мешают. Не делили бы всех на первый – сотый сорта, давно бы Марс на лопатки положили.

– У них с этим тоже не слава богу, – сказал Воротов. – Марсиане – избранная нация, а колонисты ее слуги.

– Об этом я и толкую.

– Хуже, чем на Руре с Юнкером, не бывает, – заявил Бубликов. – Я когда на Рур впервые прилетел – просто охренел, прямо в порту. Четвертый рейх, да и только. Даже символика, как была у фашистов, только не красный флаг с черной свастикой в белом круге, а просто красная свастика на черном фоне. Куда ООН смотрит, да и наше правительство тоже – не понимаю. Дружат с ними, Эйзену как филиалу Рура особый экономический статус дали, Марте по просьбе Юнкера пошлины снизили. Как будто не понимают, что это мина.

– Они нам оружие поставляют, – сказал Блинов. – Приходится глаза закрывать. Да и не сила это – три планеты и один космический город.

– В свое время на Земле тоже так думали. А потом одна Германия всему миру такого шороху задала. Да два раза подряд, и всего-то за полвека.

– Нам бы с Марсом разобраться, – сказал Воротов. – Проблемы надо решать по мере возникновения. Наперед загадывать не наше дело. Мы армия, а не политологи. Давайте-ка служить, господа офицеры. Завтра снова на планету, а у нас еще дел выше крыши...

...Пока офицеры обменивались впечатлениями, Преображенский и полковник Ли добрались до адмиральских апартаментов. На самом деле это были три обычные каюты, только объединенные словно холлом просторной кают-компанией, но сам Гордеев иронично называл свою штаб-квартиру то апартаментами, а то и вовсе

пентхаусом. На тактичные замечания адъютанта, что для пентхауса резиденция маловата и вообще не отвечает основным требованиям к данному виду помещений, генерал только фыркал и плевался. Объяснялось его недовольство просто – «Уран» был зачислен в состав Многоцелевого флота, на бортах которого и путешествовала по Ойкумене Пятая бригада, в качестве трофея после взятия марсианской рембазы на орбите Колонии Медея. То есть еще полгода назад этот линкор ходил под звездно-полосатым флагом в рейды против нынешних хозяев и назывался «Вашингтон». Гордеев воспринимал линкор исключительно в этом ракурсе. И даже то, что если копнуть поглубже, «Уран-Вашингтон» вовсе не марсианский корабль, а «дважды трофей», реквизированный когда-то марсианами на Деа – Колонии, заселенной в основном уроженцами Поднебесной, – генерала никак не успокаивало. Лишь когда рембригада наконец закрасила все англоязычные трафареты (нанесенные поверх китайских иероглифов), Гордеев немного остыл и перестал ворчать, что ему, дескать, подсунули какое-то импортное корыто вместо нормального корабля.

– Так и думаешь каждый раз как гостей приветствовать, то ли «нихао» им сказать, то ли «велком», – посетовал генерал, когда после обмена приветствиями он, инспектор и два комбата расположились на удобных кожаных диванах в кают-компани. – Как долетели, господин полковник?

– Прекрасно, господин генерал. – Проверяющий протянул ему предписание.

Гордеев не спешил заглядывать в бумаги. Он положил их на журнальный столик и внимательно взглянул на инспектора. На ироничные комментарии по поводу происхождения линкора проверяющий не обиделся, хотя определенно имел китайские корни. Значит, умен до снисходительности. Это генерала порадовало. С умными людьми легче договориться. Впрочем, Гордеев был убежден, что служба в бригаде поставлена нормально, и скрывать от инспектора нечего. Генерал наконец заглянул в предписание.

– Полковник Ли Иван Юрьевич, аналитический отдел ГШ. – Гордеев хмыкнул. – Цель прибытия: проверка боеготовности. Понятно.

Он взглянул на инспектора, чуть прищурившись. Полковник Ли тянул максимум на проверяющего Службы тыла, а никак не боевых частей. Впрочем, внешность нередко бывает обманлива.

– Если не возражаете, я бы предпочел менее формальное общение. – Ли расплылся в типичной китайской улыбке: вежливой на грани подобострастия, но только на грани. – Зовите меня без этих «полковник» или «инспектор». Просто Ван Ли. Идет?

«Пиджак, – фыркнул про себя Гордеев. – Правильно Павел его просчитал. Но с чем он приехал на самом деле? С какой миссией?»

– Идет. – Генерал откинулся на спинку дивана. – Просто Иван Иванович.

– Вы наверняка догадались, Иван Иванович, что инспекция лишь повод, – сразу перешел к делу Ван Ли. – Я хотел поговорить с глазу на глаз, но иначе, как по линии Генштаба, быстро сюда было не попасть.

– Фронт, как-никак. – Гордеев кивнул. – Но получается, что мы говорим не совсем с глазу на глаз. Если вы желаете...

Генерал покосился на Преображенского и Бородача.

– Нет, ваша светлость, господа офицеры могут остаться. – Ван Ли сверкнул хитрым взглядом.

Гордеев внутренне напрягся, готовясь к неприятностям. Инспектор выказал осведомленность в делах, знать о которых полагалось лишь тем, кто в них участвовал.

– Это обращение... – генерал понял, что лучше не делать удивленные глаза и вообще не терять лицо, – используется только неофициально, некоторыми из моих подчиненных.

– Теми, кто тоже имеет право откликаться на подобные обращения. – Ван Ли несколько раз подряд кивнул. – Да, да, я знаю. Поэтому и не против присутствия на импровизированном совещании князей Преображенского и Бородача.

– Надеюсь, в Генштабе не считают этот... момент чем-то противозаконным?

– Нет, ваша светлость, в Генеральном штабе о нем и не подозревают, – заверил инспектор. – Но я знаю о «Возрождении» все. Потому и прилетел именно в вашу бригаду, Иван Иванович. Грядут большие перемены, и, как это всегда бывает, кто-то будет раздавлен под их прессом, а кто-то неожиданно окажется на самом вершине. Не хочу углубляться, но у меня есть все основания полагать, что «Возрождение» очень скоро выйдет из тени и займет в обществе подобающее место.

– Вы предлагаете нам легализоваться? – Гордеев хмыкнул. – Создать в Думе фракцию монархистов? Так ведь не до политики сейчас, господин Ли, война идет.

– Большие перемены, князь. – Ван Ли поднял палец и взял многозначительную паузу. – Вы собирались повторить попытку штурма форта Гатлинг?

Гордеев недовольно взглянул на Преображенского, а затем на Бородача. Подполковники едва заметно, но почти синхронно пожали плечами. О планах штаба Пятой бригады инспектору никто не докладывал.

– Допустим. – Генерал уставился на Ван Ли. – Что дальше?

– Воздержитесь. Отмените штурм и отведите оба батальона на орбиту. Иначе большие перемены лично для вас начнутся с больших потерь.

– На основании чего я должен отменять штурм? – Гордеев посерьезнел. – Я что-то не совсем понимаю, господин полковник, вы штатный астролог Генштаба? На каких разведанных основаны ваши предсказания? Почему вы не говорите прямо, а сыплете загадками?

– Я не астролог. – Ван Ли снова улыбнулся, ничуть не обижаясь. – Вы, наверное, слышали о намерениях марсиан нанести мощный контрудар? Так вот, он последует в ближайшие сутки. Если вы отойдете на орбиту, то оставите Джемисона и Холли в дураках. Они выйдут из форта, чтобы атаковать ваши позиции, для чего, естественно, снимут силовую защиту с главных ворот, а вы, вместо того чтобы встретить их в окопах, упадете с неба прямиком в открытые ворота. Разве это не удачный план?

- Вы шутите? - Гордеев подался вперед. - Вам-то откуда известно, что марсиане начнут наступление именно сегодня?

- Я проанализировал массу разведданных, Иван Иванович, в том числе рапорты моей личной разведки в штабах марсианских армий и флотов. День «Д» у всех назначен один - четвертое июля.

- Правдоподобно, - проронил Бородач. - Марсиане любят символы.

- День независимости США-СДИ? - Гордеев помотал головой. - Простите, господин Ван Ли, но я все равно склонен вам не поверить.

- Почему? - Ван Ли уставился на генерала честными глазами.

- Потому что Генштаб даже не намекнул на возможность этого контрнаступления!

- Вот я от имени Генштаба и намекаю.

- И где пакет? И к чему были ваши прелюдии насчет больших перемен и новой роли «Возрождения»?

- Марсиане ни в коем случае не должны догадаться, что нам известны их планы. - Ван Ли развел руками. - Поэтому никакого пакета у меня нет. Так же как нет ничего подобного у других инспекторов и курьеров, разосланных во все армии, на флоты и в отдельные подразделения. Я взял на себя вашу армию и бригаду потому, что уверен - вы сыграете особую роль в начинающемся спектакле.

- Но почему, черт возьми?! - не выдержал Гордеев. - Что в нас такого особенного?!

- Ваша судьба, генерал.

- Вы же не астролог!

– Я и не гадаю. Я знаю точно. Ваше будущее просчитано на мощнейших компьютерах – это вас устраивает? Вы слышали о североамериканском профессоре Аароне Ривкине, ведущем специалисте в области электронного прогнозирования? Он мобилизован и работает на меня. Именно он подсчитал, что в девяти из десяти вариантов развития событий вы и ваши офицеры играете главные роли. Это очень высокая степень вероятности.

– Бред какой-то, – раздраженно бросил Гордеев. – Этим и занимается аналитический отдел Генштаба? Просчитывает судьбы? Вы, наверное, еще и медали за это получаете?

– Лейтенант Краснов и его взвод погибли третьего июля в девять тридцать две по Гринвичу? – спросил Ван Ли.

– Девять тридцать одну, – негромко поправил Преображенский.

– Вот такой допуск. – Ван Ли покивал. – Мы заранее знали, когда это случится.

– Что же не предупредили, суки? – процедил Бородач.

– Извините, господин инспектор, – толкнув товарища локтем, сказал Преображенский.

– Я понимаю ваши чувства. – Полковник печально вздохнул. – Но знать и предотвращать это разные вещи. Они никогда не стыкуются. Мы можем либо знать и созерцать, будто через стекло, не в силах вмешаться, либо способны, как нам кажется предотвращать, вмешиваться, а на самом деле просто делать то, что предписано судьбой.

– Например, сейчас, если бы не прилетели вы, прилетел бы кто-то другой? – подытожил Преображенский.

– Именно так, Павел Петрович.

– И кто будет следующим подопытным кроликом за стеклом? – неприязненно глядя на Ван Ли, спросил Бородач.

– Вам действительно хочется это знать, ваша светлость? – Китаец оставил от узких глаз и вовсе щелочки-черточки.

Бородач замолчал на целую минуту, постепенно багровея, то ли от раздумий, то ли от гнева на инспектора и себя самого, неспособного ответить на такой простой, казалось бы, вопрос. Интересно, что ни Преображенский, ни Гордеев даже не пытались нарушить воцарившуюся в каюте тишину и как-то помочь товарищу или попытаться перевести разговор на другие темы.

– Дьявол! – Бородач грохнул тяжелым кулаком по столу. – Нет! Не хочу!

– Правильный выбор, князь, – одобрил Ван Ли и снова перевел взгляд на генерала. – Я думаю, контрудар последует в шесть утра. Плюс-минус час.

– Вы думаете или Генштаб? – уточнил Гордеев.

– Я.

– То есть это неофициальное мнение частного лица?

– Верно. Хотя официальный Стокгольм в курсе моих опасений.

– В таком случае я буду действовать, как считаю нужным, – заявил Гордеев. – Я учту ваше мнение, но ровно настолько, насколько это будет соответствовать изначальным планам.

Генерал встал. Поднялись и офицеры. Проверяющий встал последним.

– Уверен, вы примете все меры, – вновь приклеив улыбку, сказал Ван Ли. – И последнее, Иван Иванович... Вам, я думаю, известна фамилия Стивенсон?

– Командующий Колониальной группировкой войск Альянса?

– Он самый. Так вот, генерал Стивенсон сейчас на Лидии. В форте Гатлинг.

– Вот как?! – Гордеев недоверчиво хмыкнул. – С этого бы и начинали. А то – особая роль, великое будущее! Вот, значит, какой трамплин нам приготовила судьба?

– Возьмем Стивенсона – сломаем марсианам хребет, – проронил Бородач.

– Непонятно только, как он там оказался и почему об этом не знает наша разведка, – заметил Преображенский.

– Все просто, – сказал Ван Ли. – Штаб колониальной группировки марсиан уже давно обосновался на Лидии. Именно поэтому планета до сих пор не сдалась. Если угодно, это еще один факт в пользу моей теории.

– Теории, – фыркнул Гордеев. – Если мы будем опираться на теории...

Закончить мысль ему не дал адъютант. Он возник в дверях кают-компания бесшумно, однако сам факт его появления говорил о том, что дело у капитана неотложное и требует вмешательства Гордеева.

– Разрешите?

– Докладывай. – Генерал нахмурился.

– Дальняя разведка сообщила о перегруппировке марсианских флотов. Пять из семи вошли в Солнечную по дальним маякам. Векторы их движения пока не просчитаны, но предварительно – все направляются к Земле.

– Та-ак. – Гордеев покачался на каблуках. – А Шестой и Седьмой?

– Где Седьмой пока неизвестно, а Шестой флот идет сюда, к Лидии. – Адъютант протянул электронный планшет. – Вот рапорт. После убития Шестого флота, Колонии Альянса в секторах Альдебарана и Центавра сдались нам без боя, но Ударные армии Селье и Де Брасса не собираются высаживаться на сдавшиеся планеты. Они тоже взяли курс к Земле. Прыгнули прямо на маяк Луны. Надеются успеть раньше марсиан.

– Получается, марсиане пожертвовали Данаей и Миррой, как пешками, чтобы взять ферзя и поставить мат? – задумчиво пробормотал Гордеев. – Это все меняет.

– Очень верный пример, – заметил Ван Ли. – Но они пожертвовали не только две пешки, а еще и поставили под удар коня, ваша светлость. Вы думали, что Лидия, просто хорошо укрепленная планета, прикрывающая караванные трассы в Пояс Освоения и Гиады, но невольно вы заблокировали гораздо более важный объект. Взяв Гатлинг, вы могли бы серьезно повлиять на ход войны, господин генерал. Но теперь, к сожалению, это делать поздно.

– Будет поздно, когда Овчаренко протрубит отход. – Гордеев взглянул на Ван Ли скептически. – Марсиане рассчитывают отвлечь все наши силы на оборону Солнечной, под шумок вывести застрявшие на Лидии войска и штаб из окружения и, ударив всей мощью по Земле, победить. Но мы помешаем им спасти Стивенсона, – Гордеев взглянул на Бородача, – и сломаем марсианам хребет.

– Землю они могут взять и пятью флотами, без колониальных и без Стивенсона, – возразил Преображенский. – Извините, что вмешиваюсь, ваша светлость, но я не согласен с ходом ваших рассуждений. Мощи у марсиан хватит и без лидийцев. Если марсиане захватят Землю, то смогут диктовать нам условия даже со «сломанным хребтом».

– Я согласен с Павлом Петровичем, – кивая, сказал Ван Ли. – Вот почему и предлагаю вам пока не ввязываться в драку. Возможно, Генштаб вскоре прикажет Первой Ударной армии покинуть орбиту Лидии и отправиться в Солнечную. Когда поступит такой приказ, менять планы будет поздно. А случится это, когда дальняя разведка подтвердит векторы движения пяти марсианских флотов. По моим подсчетам, примерно в восемь утра по времени вашего сектора. Вы уверены, что войдете в форт Гатлинг до этого момента, если будете придерживаться старых планов?

– Не знаю. – Гордеев задумался. – Но если нам удастся захватить Стивенсона, возможно, наступление на Землю все-таки будет сорвано.

– А как же Шестой флот? – напомнил Преображенский. – Он нам не мешает?

– Что может обескровленный еще во время сражения на орбите Старта Шестой флот против двух Ударных и одного Многоцелевого?! Только потрепать нам нервы.

– И заставить генерала Овчаренко увести Первую Ударную армию целиком, не оставляя «на всякий случай» у Лидии ни одной бригады, – мягко возразил Ван Ли. – И потом, не забывайте, что где-то поблизости курсирует еще и Седьмой флот. Если вы увязнете в бою за Гатлинг – можете остаться без поддержки и попасть в окружение.

– И все-таки мы попробуем!

– Я вас понимаю. – Китаец развел руками. – И не имею полномочий запретить проведение операции, но все-таки прошу хотя бы помнить о сроках и доработать ваш план.

Гордеев взял паузу и взглянул на комбатов, предлагая сделать последние комментарии. Бородач промолчал.

– Думаю, разумно будет принять средневзвешенное решение, – сказал Преображенский. – Как ни крути, а попробовать взять Гатлинг стоит. Даст это что-то или нет – вопрос десятый. Но в одном полковник Ли прав: надо использовать фактор внезапности и упасть им прямо в ворота. Тогда все получится.

– На словах это красиво, – упрямо возразил Гордеев. – А вот как будет на деле? План «Б» остается в силе до особого распоряжения... Пока штаб не разработает план «В».

Преображенский незаметно выдохнул. Черт знает почему, но он поверил этому странному инспектору и последние пять минут опасался, что Гордеев не сможет преодолеть собственное упрямство. То, что генерал тоже поверил полковнику Ван Ли и теперь просто борется с гордыней, было очевидно.

* * *

Проходы в силовом куполе образовались в три часа ночи. Увидеть их было трудно, ведь что есть проход в почти невидимой стене? Такое же почти невидимое явление. Лишь когда наблюдатели засекли движение в перелеске, стало ясно – гарнизон форта пошел в атаку. Было странно, что без артподготовки, но так было лишь до того момента, когда танки приблизились к окопам осадивших Гатлинг землян на расстояние эффективного огня. Подполковник Бородач уже сталкивался с подобной тактикой. Из-под силового купола особо не постреляешь, ведь он одинаково непроницаем для снарядов, ракет и лучей как атакующих, так и обороняющихся. Чтобы драться, нужно выйти на открытую местность. Поэтому Холли вывел танки скрытно, а следом за ними выведет и рассредоточит пехоту и артсистемы. Вот тогда все начнется. Пока ракетная артиллерия будет долбить по вражеским позициям, не давая поднять головы, купол откроет «забрало» – широкий и высокий проход, и в воздух поднимется авиация – автоматические и пилотируемые авиадестроеры. Вот об этом и говорил полковник из Генштаба. Теоретически, если в этот момент атаковать с воздуха, то через открытое «забрало» вполне реально сбросить подвешенные к челнокам танки прямо на территорию форта. Да и по земле можно прорваться, если посадить всех бойцов на броню и предварительно ударить крупным лучевым калибром. Вот только проблема, стрелять с орбиты сквозь плотный атмосферный фронт – себе дороже. Бородач трижды испытывал на собственной шкуре, что такое дождь из наэлектризованного кипятка, в одно мгновение сменяющийся градом с куриное яйцо. Контраст еще тот. И ладно бы только это – спрятался в машину, и все дела, но ведь лучевая атака сквозь грозу чревата ураганом и даже гигантским торнадо. Третье из пройденных подполковником испытаний – на Мирре – запомнилось ему не столько кипящим дождем и градом, сколько невероятным торнадо, легко переворачивающим стотонные танки, будто детенышей черепах. Наступать в такой обстановке невозможно, после той неудачной атаки это признал даже упрямый «суворовец» Гордеев. С тех пор орбитальная лучевая поддержка на атмосферных планетах практиковалась лишь в более-менее приличных погодных условиях.

На Лидии погода была дрянной на всех широтах и в любое время года, так что прорываться предстояло, надеясь только на себя и авиацию, космос не поможет. А под ураганным огнем и сквозь строй вражеских танков это сделать не так-то просто. Ведь за линией танков залегла пехота – враг уязвимый, но все равно опасный, а за ней артиллерия, которая запросто может понизить прицел и врезать прямой наводкой. Прорваться все равно реально, вот только за какое время? Любое промедление грозит поражением. Захлопнуть «забрало» – дело одной секунды, и тогда атака разобьется о стену почти в прямом смысле.

С другой стороны, если отдать инициативу марсианам, и вовсе ничего хорошего не выйдет. Залповые артсистемы просто сровняют с землей все позиции и похоронят федералов заживо. А потом штурмовики перепашут их свежие могилки из пушек и запекут для верности, сбросив Т-бомбы – оружие родственное термопене; вещество из каждой бомбы разбрызгивается в радиусе полукилометра и загорается, обеспечивая десять тысяч градусов по всей площади в течение минуты. Выжить невозможно. Перспективка, в общем, дохлее дохлой.

Бородач подозвал «ротного один». Его рота отвечала за реализацию пока так и не отмененного Гордеевым плана «Б». Главная идея плана заключалась в использовании четырех мощных роботов-проходчиков, привезенных с Гефеста три дня назад под видом машин огневой поддержки. Если бы не тревожная информация из Генштаба о вражеском контрнаступлении, план «Б» мог бы сработать буквально через сутки. Проходчики вывели бы штольни на территорию форта, и земляне ворвались бы в Гатлинг, выскочив буквально из-под земли. Но теперь заветных суток в запасе не осталось. Более того, марсиане пошли в атаку на три часа раньше, чем ожидалось.

– Сколько осталось проходчикам?

– Много, господин подполковник. Сорок шесть метров. Даже если выжать из «шахтеров» максимум, еще на два часа работы.

– Много. – Бородач взглянул на экранчик тактического компа. Там высвечивалась картинка, снятая ночными камерами наблюдателей. – Минут десять у нас в запасе. От силы – двадцать. Потом Холли выведет «грады» и начнет тут все перепахивать.

– Можем отсидеться в тоннелях, а потом...

– Там навеки и останемся, – оборвал его мысль комбат. – Если тут все запекут, даже роботы неделю будут откапываться. Нет, Жерар, один у нас выход: атаковать первыми!

– Так я и знал. – Ротный хмыкнул. – Не успеем мы за десять минут, командир.

– Если потратим их на разговоры, то да. – Бородач включил комп в боевой режим. – Десант, на броню и пристегнуться! Танки – готовность три минуты, идем к форту на полной скорости. Машины огневой поддержки, четные номера на левый фланг, работать прямой наводкой. Штурмовики, расчистить дорогу! Вперед!

– А план «Б»? – уточнил Жерар.

– Роботов подготовь к выходу на поверхность в экстренном режиме. Могут пригодиться, чтобы рыть новые траншеи. А сам прикрой нас с тыла. Хватит времени?

– Если взорвать над «шахтерами» направленные заряды, – ответил ротный.

– Значит, взрывай! – Бородач надел шлем и опустил забрало. – Девять минут тебе, мсье капитан! Время пошло!

– Есть! – Жерар отсалютовал на французский манер и спрыгнул в блиндаж, из которого начинался один из секретных тоннелей.

Комбат проследил, как гравитанки и бронемашины выстраиваются в атакующий порядок, принял рапорты и одним прыжком взлетел на броню притормозившего рядом танка.

– Марш! – Он пристегнулся страховочным ремнем и махнул рукой.

– Господин подполковник, пожалте в башню! – крикнул, высовываясь из раскрытого люка, стрелок-оператор.

– И здесь не дует! – Бородач пригнулся.

Перекрывая шум сильного косого дождя, танки взвыли турбинами и сорвались с места в карьер. Борис вывел таймер обратного отсчета на линию взгляда. Красные цифры прыгали, стремительно урезая отпущенный на атаку временной промежуток. Танки противника пока молчали, но Бородача их пассивность не обманывала. Холли уже развернул пехоту и ждал, когда из форта выйдут «самоходки». Счет шел на секунды, и пока марсианский полковник выигрывал

минуты три. Свести это преимущество на нет можно было только выжав из танков все, на что они способны, желательнее сохранив при этом строй.

Бородач развернул на прозрачном дисплее лицевого щитка проекцию тактической карты. Правый фланг запаздывал; ему пришлось наступать, форсируя Марри, небольшую речушку с обрывистыми берегами. Центр, наоборот, вырвался слишком далеко вперед. Борис перевел взгляд на таймер, затем на строчки текущего рапорта наблюдателей. Холли ускорил вывод «самоходок» на позиции. Значит, несмотря на ливень, его разведка заметила, что земляне не спят. Вот только заметила ли она, что они под покровом ночи и непогоды ринулись в скрытую атаку? Огневая поддержка марсиан так и не успела выйти на позиции, когда авангард десанта достиг опушки леса, в котором прятались вражеские танки. Заезд на время по пересеченной местности выиграл Бородач. Ход был за полковником Холли.

Тот не стал мудрить и приказал своим танкам принять бой. Первые выстрелы были неприцельными, и едва заметные на сканерах тепловые отметки стартующих ракетных снарядов только раскрыли позиции марсиан. Борис приказал центру сосредоточить огонь на зоне прорыва, а фланги противника оставил на совести своих машин огневой поддержки. Для танковых дуэлей времени не было. Тактика огневого подавления была расточительной, но при дефиците времени единственно возможной.

- Штурмовики, убрать пехоту!

С неба на землю обрушился огненный шквал. Казалось, что танки несутся навстречу пылающему океану. Авангард притормозил, чтобы не попасть под «дружественный огонь» авиации, но эта задержка уже не имела решающего значения, форт был в каком-то полукилометре. Еще один рывок, и десант наконец-то спешится на территории Гатлинга. Холли, конечно, мог закрыть ворота, но тогда он оставлял на растерзание землянам значительную часть своего гарнизона. Танки вернуться уже не могли, но спасти хотя бы «самоходки» и последнюю линию пехоты марсианский полковник пока успевал. Авиация землян прекратила выжигать подступы к форту, и сквозь быстро оседающий под дождем пепел и дым сверкнули залпы пятящихся «самоходок». Поскольку они так и не успели развернуться в линию, эффективность их огня была невелика. Десантный батальон потерял три машины, но тут же отомстил с лихвой. Танки сосредоточили огонь на сбившихся в кучу «самоходках» и вынудили их обратиться в бегство. Отступающие машины и бегущих солдат пытались

прикрыть авиадестроеры, но безуспешно. Недремлющие штурмовики землян отогнали эскадрилью Альянса и завязали с авиадестроерами воздушный бой – невидимый из-за низкой облачности, но, судя по количеству падающих на землю обугленных обломков, предельно жестокий. Бородач не сомневался, что семь из десяти упавших самолетов – вражеские. Атмосферная авиация никогда не была коньком марсиан. Летать на красной планете не любили. Может быть, небо там не такое вдохновляющее, как на Земле, а может, по какой-либо иной причине. Борис никогда не вдавался в нюансы психологии марсиан и колонистов. У подполковника и его подчиненных была своя психология – межпланетная, десантно-штурмовая.

Боевые машины землян врезались в рассеянную толпу бегущих марсианских солдат, когда отмеченная на карте линия силового барьера осталась метрах в ста за кормой замыкающего танка. Командирская машина сбила сразу троих ополченцев. По наклонной лобовой броне брякнул шлем. Ударившись о прилив под кожухом ствола, каска подпрыгнула и упала точно в руки Борису. Она была слишком тяжелой для обычного шлема. Комбат заглянул в просветлевшее забрало. Из-за бронестекла на подполковника смотрели полные ужаса остекленевшие глаза. Бородач отшвырнул зловещий трофей и вытер окровавленные перчатки о броню.

– Где сопровождение?!

– Отстали, ваш свет! – вышел на связь «ротный два». – Надо подождать!

– Некогда! – Бородач снова вывел на дисплей карту и бегло оценил оперативную обстановку.

Машины огневой поддержки успешно обошли вражеские танки с флангов, но увязли в бою, не давая врагу ударить в тыл прорвавшимся десантникам. На помощь «коробочкам» пришли несколько штурмовиков-истребителей, однако пока не закончился воздушный бой, и на наземных целях не сосредоточилась вся авиация, поддержать наступление десанта «огневики» не могли. Было рискованно развивать успех, не имея прикрытия с земли и с воздуха. Но и медлить было тоже нельзя. Холли мог закрыть ворота в любую секунду. Борис запросил связь с Гордеевым.

– Я в форте! Прошу поддержки от Графа, согласно плану «В»!

– Какой ты быстрый! Граф только вошел в стратосферу, – проскрипел генерал. – Апостол пока и вовсе от «Урана» не отчалил. Чего тебя понесло-то?

– Они первыми начали. В три ноль-ноль. Я решил действовать по обстановке.

– Действовать! – Гордеев был доволен и недоволен одновременно. Лихие рейды он ценил, но еще больше ценил, когда комбаты просчитывали свои действия хотя бы на три хода вперед. – А соображать, кто за тебя будет? Сейчас отрежет тебя Холли куполом, как выкрутишься?

– Прорвусь к генератору, да и вырублю этот купол!

– Отставить, Борис Александрович, – явно через силу приказал Гордеев. – Отходи и добивай все, что Холли оставил снаружи. Там работы хватит до утра, как я погляжу.

– Но ведь я в форте, ваша светлость! Обидно так вот взять и отойти!

– Переживешь! Приказываю уйти за барьер, подполковник Бородач! – Генерал смягчил тон. – Ты и так сделал больше, чем возможно. Теперь Гатлинг – пустышка. Одна пехота у Холли осталась.

– А толку, что он пустышка? Контратаковать им больше нечем, это верно, но войти-то мы второй раз все равно не сможем... – предупреждая следующую грозную реплику генерала, Бородач включил командный канал. – Батальон, отходим за барьер! Третья рота – обеспечить прикрытие. Жерар, отставить фейерверк! Возможно, «кроты» еще пригодятся.

– Есть, – откликнулся «ротный один».

Отходили десантники так же организованно, как наступали, но... дойти им удалось только до горящего даже под проливным дождем перелеска, где тлели марсианские танки.

– Силовая отсечка! – вдруг доложил Жерар. – Рубеж проходит по переднему краю наших бывших окопов. Холли врубил второй контур, командир! Нас отрезали от лагеря и «коробочек»!

– Сволочь краснозадая! – забыв о благородном происхождении, выругался Бородач и заглянул в комп.

Машинка показывала, что в форте действительно включился еще один более мощный генератор и над первым куполом Гатлинга образовался второй, больше в диаметре на полтора километра. Форты с двойными куполами были редкостью – даже один силовой барьер обеспечивал абсолютно надежную защиту, – но встречались. В основном это делалось для подстраховки на особо важных объектах. То, что Гатлинг имел дублирующий генератор, лишний раз подтверждало разведданные полковника Ли. В форте действительно прятались какие-то важные шишки. Стивенсон и его «штаб-генералы» под эту категорию вполне подходили.

Отступать было некуда, и подполковник принял единственно возможное решение.

– Вперед! – прорычал Бородач. – Жерар, запускай шахтеров на полную мощность, задача прежняя!

«Ротный один» был самым сообразительным из всех офицеров батальона и понял замысел комбата без лишних пояснений.

Батальон снова перестроился – в третий раз за последние пять минут – и пошел в новую атаку. Только теперь ему никто не сопротивлялся. Гравитанки неслись в полуметре над выжженным, дымящимся полем, не делая ни единого выстрела. Бородач напряженно ждал. Он прекрасно понимал, что сейчас должен предпринять Холли, и не питал на этот счет иллюзий. Подставлять под удар свой гениальный лоб марсианский полковник не станет.

– Отсечка! – пришел рапорт от командира головной машины.

– Ловушка, – пробормотал «ротный два».

– Машинам рассредоточиться! – крикнул Бородач. – Десанту оставаться на броне! Ждем атаку с флангов!

В кольцевом коридоре между двумя силовыми барьерами только и оставалось, что ждать удара с флангов. Вот только необязательно это будет атака. Борису даже не требовалось ставить себя на место полковника Холли. Что случится дальше, можно было просчитать и так. Вариант номер один – дистанционный подрыв мин, которых вокруг форта было, как картошки на фермерском поле. Но это будет мелкая неприятность, и Холли наверняка от такого варианта откажется. Десант сидит на броне и в случае опасности сможет спрятаться внутрь машин, а гравитанкам противопехотные мины – что слонам вишневые косточки. Вариант два – ракетный удар. Места для маневра у землян мало, и все может кончиться плохо, но вот вопрос – остались ли у Холли тяжелые ракеты? Третий вариант – вытряхнуть в пространство между барьерами все запасы термопорошка – наполнителя Т-бомб и составной части термопены, только без загустителя – затем поднять парой десятков мощных вентиляторов приличный ветер и поджечь. От пылающего урагана не спасут ни танки, ни молитвы. Надежно, но слишком трудоемко. Бородач был уверен, что Холли поступит проще. Он уменьшит мощность наружного купола и раздавит землян между силовыми стенами, как тараканов под ковром. Один вопрос: сразу или нет. Избежать незавидной участи вредных насекомых можно было только одним способом: укрывшись под землей.

– Жерар, где сейчас «кроты»? – включив канал связи только с «ротным один», спросил Борис.

– Почти под нами, командир. Двадцать три метра до барьера. До внутреннего барьера.

– Командуй им бурить колодцы на поверхность.

– Широкие?

– Только чтобы бойцы пролезли. Как быстро они это сделают?

– Если до метра в диаметре, минут за десять. Но вход в штольни теперь тоже под колпаком, командир. Так мы не выберемся.

– Мы и не будем выбираться. Мы поставим дымовую завесу с металлической пылью и под ее прикрытием спустимся в тоннели. А танки оставим на дистанционном управлении. Будто бы мы на месте, только сползли с брони

внутри машин. А потом запустим «шахтеров» прежним курсом. Даже немного дальше – напрямик под штаб Холли. Если повезет, выйдем прямо в подвалах, где он прячет генераторы куполов.

– Если повезет. – Француз скептически хмыкнул.

– А если нет, просто выйдем на поверхность и всех перестреляем, – спокойно закончил Бородач. – Что нам терять?

* * *

Как бы ни мечтали создатели порталов и автономных контуров для гипердрайва о мгновенном преодолении межзвездных расстояний, а путь в гиперпространстве занимал время. Причем время, совершенно не соотносимое с линейным расстоянием, на которое требовалось переместиться. Например, путь с дальней орбиты «альфы» Волопаса, больше известной, как Арктур, занимал меньше времени, чем прыжок из сектора Центавра. И перемещение из далеких Гиад не затягивалось, как подобает пути с самых дальних небес, а длилось всего-то сутки, зато с достаточно близкой федеральной Колонии Мирра приходилось тащиться четыре дня и три ночи, или наоборот – как отрегулируешь корабельное время.

Гипертрасса «Лидия – Ганимед-4» в этом отношении была сродни дороге из сектора Геркулеса, почти никаких драйв-искажений. С Фореста до Земли при таких «тепличных» условиях лететь было около трех с половиной суток, а с Лидии получалось что-то около десяти или двенадцати часов. В общем, и подумать, и поработать время было, а заскучать – нет.

Ван Ли плюхнулся в широкое кожаное кресло в салоне небольшого военного кораблика класса «авизо» и раскрыл комп. «Волшебная» машинка, предмет зависти многих подчиненных, и в первую очередь гениальнейшего земного программиста, а ныне мобилизованного в разведотдел при Генштабе майора Ривкина, вопросительно взглянула на владельца. Да-да, именно взглянула. Два стереообъектива незаметно повернулись и уставились на Ван Ли, а на объемном мониторе высветилась сеть кривых чем-то неуловимо, но сильно напоминающих сеть морщин на лице у человека, задающего немой вопрос. Хозяин знал, что сидящему в мозгах у этого суперкомпьютера электронному «духу» нравится быть похожим на человека, хотя бы повадками и манерой выражать свои

псевдоэмоции.

– Что нового, Эрг? – Ван Ли называл компьютер этим именем, лишь когда поблизости не было посторонних. Сейчас их не наблюдалось на многие парсеки вокруг, не считая двоих пилотов и матроса-стюарда. «Авизо» был выделен генералом Овчаренко специально, чтобы доставить полковника из Генштаба к месту службы. Попутного транспорта в Солнечную не нашлось, и генерал пожертвовал свой личный корабль. «Все равно не пригодится, – с усмешкой сказал Овчаренко. – Шестой флот уже на горизонте, и альтернатива проста – либо я побью Гамильтона, либо он меня. Смываться на „авизо“ я не планирую».

Ван Ли не стал спорить и скромно отказываться от услуги. Еще до того, как прибыл в расположение Первой ударной он уже точно знал, что Гамильтон не победит. Однако армия Овчаренко все равно уйдет от Лидии. Уйдет по иной причине – защищать Землю.

Ответ Эрга был, мягко говоря, неожиданным и серьезным. Это подтверждалось тем, что комп назвал владельца не как обычно, лукавым словечком «хозяин», а так, как Ван Ли звали только те, кто был посвящен в древнюю тайну его прежней жизни. На текущем отрезке истории – только Эрг.

– Плохая вероятность, Выживший.

– В чем дело? – насторожился Ван Ли.

– Земляне подняли карательную эскадрилью. Главной последовательности событий грозит опасность, и ты не в силах этому помешать.

– Значит, бомбардировка Лидии состоится раньше, чем мы предположили?

– Это так, хозяин. Прогноз очень плохой: пятьдесят процентов.

– Великий Сунджа! Это может обернуться катастрофой!

– Да, Ван Ли, если бригада Гордеева не уйдет до прибытия карателей, Главная последовательность может оборваться.

- Этого нельзя допустить!

- Я уже сказал - ты бессилен.

- Но почему ты не просчитал этот вариант?

- В моих расчетах не было нужной переменной. Взгляни сам.

Ван Ли на долгие полчаса погрузился в расчеты. Со стороны это выглядело странно. На объемном экране мелькали миллионы цифр и каких-то графиков, все это сливалось в потоки и по часовой стрелке закручивалось вокруг головы Ван Ли цветными вихрями. Принесший чай стюард даже зажмурился, чтобы прогнать головокружение. Когда матрос, едва не на цыпочках, чтобы не помешать такой важной персоне, удалился за свою «кофейную» перегородку, Ван Ли дал короткую финальную отмашку и шумно выдохнул.

- Да, ты прав, что-то не сходится.

- Все очень просто, Выживший, - вроде бы бесстрастно и все равно с едва уловимой ноткой снисходительности заявил комп. - На события влияет некий скрытый персонаж, условно я назвал его «мистер Икс». Введи поправку и убедишься сам.

- Ты решил меня потренировать? - усмехнулся Ван Ли. - Ты ведь давно это сделал. Зачем тратить время?

- У тебя его более, чем достаточно. Сделай это и поймешь, что я не тренирую тебя, а объясняю.

- Вот как? - Ван Ли торопливо выпил остывающий чай и кивнул: - Хорошо.

Пересчет занял на порядок меньше времени. Уже через полминуты Ван Ли помотал головой и приказал остановить программу.

- Убедился? - Теперь комп был серьезен абсолютно, без всяких там «ноток».

- Программа не принимает мою поправку.

– Все потому, что ты ввел в качестве переменной обычного человека. Попробуй ввести образ человека, подобного себе.

– Ну, это ты хватил! – Ван Ли усмехнулся. – Карты на стол! Это приказ.

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – ответил комп по-арабски. – Искомого субъекта, зовут не «мистер Икс», а мистер Даймонд. Это Тайный Советник президента Марса.

– Серый кардинал и негласный, но реальный начальник политической и экономической разведки?

– Видимо, так.

– Видимо? Я не ослышался, Эрг, ты сказал «видимо»? С каких это пор компы начали оперировать неопределенными категориями?

– Ты не ослышался, Ван Ли. Мистер Даймонд очень странный человек. Его подготовка основана на неизвестных тренировочных алгоритмах и методах.

– Грубо говоря, непонятно, кто его тренировал?

– Грубо говоря, непонятно, кто он такой. Обычный человек или... такой, как ты, Выживший.

– Ты перестраховываешься. – Ван Ли покачал головой. – Он просто серьезно подготовлен по методикам, неизвестным широкой общественности – нам с тобой в том числе. Ты нашел его досье?

– Стал бы я в этом случае оперировать неопределенными категориями?

– На тебя тлетворно влияет общение с Ривкиным. Что за манера, отвечать вопросом на вопрос?

– А почему вы спрашиваете?

- Прекрати паясничать, Эрг, это серьезное дело!
- В гиперсети нет на него досье. Тебе придется собирать информацию самому.
- Придется, – согласился Ван Ли. – Или не придется, если Главная последовательность событий оборвется на Лидии. В этом случае будущего у нас не останется.
- Не у нас, а с нами, – поправил Эрг.
- Все равно.

4. Июль 2290 г., Колония Лидия – Земля.

Челнок прошел над вздрогнувшим от грохота двигателей городком и начал медленно снижаться, целясь контуром гравитационной импровизированную взлетно-посадочную площадку наземной базы. Преображенский оторвал взгляд от иллюминатора. На территории части все было знакомо до боли, где бы она ни стояла. Те же модули казарм, складов, классов и мастерских, в том же штатном порядке, только при разном освещении да на грунте разного колера. На Медее, например, между рифлеными модулями колыхалась неистребимая бурая травка – Павел для себя так и не уяснил, то ли это вправду трава, то ли особый вид насекомых, – а сверху светило два солнца: желтое и оранжевое. На Форпосте казармы окружала серая пыль, такая же неистребимая, как «инсекто-травка» на Медее, а в небе сияло маленькое голубое светило, отчего модули выглядели так, будто покрыты слоем синего стекла, а лица у людей становились, словно у вампиров – бледными, серыми, с резкими тенями под глазами. А на холодной Натали лагерь утопал в вечных снегах, и белое негреющее солнце слепило не в переносном, а в самом прямом смысле.

Лидия в плане освещения более других планет походила на Землю. Да и природа на ней по человеческим меркам не безумствовала: моря, реки, леса, поля, очень немного невысоких гор и совсем чуть-чуть пустынь в центре большого континента и на юге малого. Ледяная полярная шапка была одна, на северном полюсе, да и та смешная, размером с земную Гренландию, не больше.

А планета между тем была даже чуть крупнее солнечной метрополии. Такому вполне уютному миру никак не шли маскировочные сети и шрамы окопов поперек зеленых полей. Но война не визажист. Что кому идет, ее не волнует. Она красит все и всех в единые цвета: пепла и сажи. За два месяца осады планета изменилась до неузнаваемости, как новобранец, которого обрили наголо и переодели в кургузую униформу. Преображенский не бывал на Лидии до войны и сейчас не мог сравнивать, но год назад все миры жили иначе.

Павлу вспомнился последний отпуск на Каллисто – тихой, мирной, патриархальной планете, купающейся в теплых лучах искусственного орбитального солнца. Это был месяц беззаботного, сытого и абсолютно неуставного существования под аккомпанемент птичьего гомона, шелеста листвы бескрайних лесов и журчания речушек с идеально чистой водой. Прадед Павла – инженер Службы Терраформирования, один из тех, кто доводил биосферу Каллисто до совершенства, – купил в свое время на заработанные деньги огромный участок в экваториальной зоне осваиваемого планетоида и не прогадал. Самому Матвею Преображенскому не довелось увидеть, каким раем станет его «поместье», зато сын Михаил, внук Петр и правнук Павел имели возможность насладиться результатом в полной мере. Ровный климат, чистый воздух, разнообразие флоры – все было идеально выверено и сбалансировано, не в пример грязноватой Земле или Колониям, которые было не так-то просто превратить в подобие колыбели человечества. Ведь стараниям людей там препятствовали естественные факторы. Первый и наиглавнейший – Колонии имели свои звезды, далеко не всегда такие же ласковые, как Солнце. Да и не так уж давно их начали осваивать. А на Каллисто и прочих крупных спутниках планет – гигантов Солнечной системы люди строили то, что хотели вот уже почти двести лет. В первую очередь – подвешивали над ними искусственные светила, магнитные рассекатели, спутники противорадиационной защиты и создавали атмосферу, а дальше – индивидуально. На Европе – сформировали искусственную почву поверх изолированных особым образом льдов и упрятого под ними океана, на Ганимеде и Каллисто уложили «подпочвенные рамы» с гравитационными нагнетателями прямо на грунт, а Титан – самый крепкий орешек – лишили естественной атмосферы и превратили в многоэтажный планетарный город. Потрудиться пришлось и на Тритоне – там требовалось особо мощное «солнце», но и это не стало непреодолимым препятствием. Единственным планетоидом, где преобразование до сих пор шло со скрипом, был Ио. Мешали вулканы.

И все же из десятка обитаемых спутников солнечных планет Каллисто была самым удачным примером преобразования, это признавали даже вечные

соперники – европейцы. А самым крупным и удачно спроектированным участком на планете было как раз «поместье» Преображенских и прилегающие к нему охотничьи угодья Воротовых. На бескрайних полях у Преображенских росло все, что можно себе представить: от пшеницы и чая, до винограда и апельсинов, а в лесах можно было найти любые породы быстрорастущих деревьев, причем в промышленных количествах. И если Матвей не успел в полной мере воспользоваться своим богатством, то его сын потрудился на славу, а вырученные деньги не проел, пустил в дело. Поначалу Михаила недопоняли даже близкие друзья – нет бы построить фабрику или деревообрабатывающий комбинат! – но очень скоро, помимо прибылей от сельского хозяйства, семья начала получать немалый доход от развернутого Михаилом и продолженного Петром турбизнеса, и все, кто их не понимал, признали, что Преображенские оказались правы. Фабрик и заводов хватало на других планетах, а вот такие райские уголки – походи, поищи. На все заселенные миры может быть два-три только и найдется. Петр Преображенский считал, что Каллисто и вовсе одна такая.

К своим тридцати двум подполковник Павел Преображенский успел повидать больше планет, чем отец за всю жизнь, но был с ним почти согласен. С Каллисто могла соперничать только Терция – планета-океан с бесчисленными зелеными архипелагами, но до этой Колонии было далеко, а до спутника Юпитера – рукой подать. Для тех из землян и марсиан, кто не слишком любил дальние перелеты и не располагал большими средствами, Каллисто была предпочтительнее. Так что к моменту, когда Павлу исполнилось семнадцать, Петр Преображенский стал самым богатым и уважаемым человеком на Каллисто и, конечно же, рассчитывал, что его сын продолжит семейный бизнес, но Павел выбрал военную карьеру. Как ни странно, отец отнесся к его решению с пониманием. Каждому свое. Напутствие отца было кратким: «Здесь твой тыл, твоя Родина, помни об этом всегда – и когда придется ее защищать, и когда решишь отдохнуть. Тебе есть за что сражаться и куда вернуться».

Павел помнил и возвращался только сюда. В последний раз его отпуск совпал с отпуском капитана Воротова – сына соседа и компаньона отца, и так уж сложилось – подчиненного Павла. Отдохнули тогда комбат и ротный от души, по-русски. С охотой, рыбалкой, банькой, и не брезгуя новомодными туристическими развлечениями – тут уж постарался отец Ярослава. Полеты на дельтапланах и лихие рейды на гравибайках по головокружительным маршрутам горного кряжа Уралочка, сплавы по одноименной реке и воздушное поло – это только малая часть развлекательной программы, которую предложил офицерам Воротов-старший. Единственное, чего так и не удалось молодому

подполковнику и его подчиненному, так это найти себе для компании приличных девушек, о чем особенно переживала мать Павла.

«Носитесь, как оглашенные, по горам, – грустно вздыхала она, – нет чтобы на пляже полежать спокойно. Там столько девиц отдыхает».

«Мама, ты ли это! – смеясь, отвечал Павел. – Раньше ты меня и близко к пляжам не подпускала, боялась, что туристки совратят».

«Так то раньше. – Мама опять вздыхала и отводила взгляд. – Сейчас-то ты уже взрослый. Пора бы и внуками меня порадовать».

«Порадую, мам, обязательно порадую», – обещал Павел, вскакивая в седло гравибайка, чтобы ринуться в очередную авантюру, придуманную неутомимым Воротовым.

До пляжей приятели-отпускники, конечно, тоже добирались, но маме об этом знать было необязательно. Офицеры были в курсе негласного деления пляжных территорий на зоны и никогда не забредали в «зеленую», где загорали туристы с детишками, ворковали молодожены и в принципе можно было найти тех самых девушек – местных или приезжих – для серьезных отношений. После насыщенного дня «развлечений не для слабонервных» офицерам было уже не до высоких материй или ухаживаний. Они смывали в баньке пот, ужинали, непременно с осетринкой и стопкой ледяной водки, а затем выползали, как два объевшихся крокодила на золотистый песочек «красной» зоны, где расслаблялись те, кому от жизни нужна только сама жизнь, от отдыха – отдых, а от секса – исключительно секс. Ну и, может быть, еще сто евро сверху. В деньгах у отпускников недостатка не ощущалось, поэтому многолюдные пляжные вечеринки под их патронажем проходили весело, шумно и довольно безнравственно. А утром «кутил и прелюбодеев» снова будил ухмыляющийся старший Воротов. Игнорируя протесты невыспавшихся офицеров, он тащил их к миниатюрному водопаду, что плескался неподалеку от охотничьего домика – любимого места ночлега приятелей, и приводил в чувство посредством полного погружения в ледяную воду. Затем две роскошные официантки кормили друзей горячим плотным завтраком, привезенным из лучшей приморской ресторации «Драниковъ», и ежедневная история повторялась.

В таком режиме, исключая субботы, дни для поездок по старым друзьям и родственникам, а также воскресенья, зарезервированные под чисто семейные посиделки, прошли все четыре недели отпуска. Физически отдыха не было, зато морально и Павел, и Ярослав будто заново родились. Все передряги и опасности службы на далеких Колониях растворились и остались в прошлом, как грязь после бани, и даже перспектива возвращения в душные кубрики и казармы не казалась такой уж неприятной. Служба есть служба.

«Знать бы тогда, что это будет последний отпуск. Хотя почему последний? Жизнь ведь не кончилась. Вот завалим марсиан, все снова наладится. Снова будут золотые пляжи, гравибайки и загорелые нимфы по сто евро штука. Впрочем, нет. Если все утрясется и останемся живы, нимфам придется искать другого спонсора. Интересно, понравится Яне на Каллисто?»

Подполковник снова взглянул в иллюминатор. Дождь над Округом Гатлинг немного утих, но утреннее небо не просветлело. Челноки первой и второй роты уже приземлились. Третьему, на борту которого и предпочитал летать комбат, до посадки оставалось секунд десять. На крыше ближайшего модуля уже можно было различить заклепки и принесенные ветром пожухшие листья. К тридцать пятому сектору Лидии подкрадывалась осень.

Челнок вдруг сильно тряхнуло, и он накренился так, что Преображенский прилип щекой к стеклу. К лицу прилила кровь. Павел попытался отодвинуться, но крен увеличился, и, чтобы не свернуть шею, подполковник был вынужден перевалиться через плечо. Теперь он лежал на иллюминаторе, превратившемся в одно мгновение из окна в борту в стеклянный «нижний люк». Сидевшие в других креслах бойцы повалились друг на друга. На ноги Преображенскому плюхнулся Воротов.

– Пристегнуться! – запоздало скомандовал пилот.

– Турок, что за хрень?! – заорал Ярослав.

– Падаем, коллега, – спокойно ответил пилот. – Молись.

В иллюминаторе показались серебристые гофры ближайшего к ВПП модуля, затем по стеклу побежали трещины, и оно с громким хлопком взорвалось. Время будто бы замедлилось, и Преображенский увидел, как из дыры в стекле, в

ореоле осколков, стартует заклепка, выдавленная из крыши сминаемого челноком здания. Тускло поблескивающая алюминиевая пуля просвистела в сантиметре от лица и воткнулась в подголовник кресла, продырявив искусственную кожу и выбив из волокнистой подложки изрядную порцию пыли. Свет в салоне замигал, откуда-то посыпались искры, а затем накатил низкий, басовитый скрежет. Павел сгруппировался в ожидании удара.

Удар был сильным, таким, что все внутренности превратились в один тугий комок, а в голове загудело, как после прямого в челюсть, но Павел остался в сознании. Лампы погасли, и ориентироваться пришлось только на красные маячки аварийных выходов да свет из разбитых иллюминаторов. Из хвостовой части челнока в салон начал заползать едкий черный дым. Преображенский, преодолевая боль и онемение, разлившееся от живота до пяток, подполз к аварийному люку и повернул рычаг. Люк не открылся.

– На боку лежим! – К командиру на четвереньках подобрался Воротов. – Надо в правом борту открывать!

– Лезь! – приказал комбат. – Все к правому борту! Пилоты, открывайте лаз из кабины!

– Заклинило, – в салон заглянул перепачканный кровью Турок. Он утер рукавом кровоточащий нос и негромко добавил: – Горим, командир!

– Вижу. – Преображенский потянулся к кобуре. – Если «зверем», получится дыру в борту проковырять?

– Там броня титано-керамическая. – Пилот покачал головой. – Только зенитной ракетой в упор... как нас и приложили.

– Почему защита не сработала?

– Знал бы я, эфенди [2 - Уважаемый!]. – Турок вытер ладонь о штаны. – О! Пошел!

Возглас относился к происходящему наверху. Бойцы умудрились вскарабкаться на ставший потолком правый борт и подползти к одному из аварийных люков. Шел перекошенный люк неохотно, но до половины все-таки открылся. Дым

тотчас потянулся к образовавшемуся дымоходу, и пожар в хвостовой части обрел более внятные очертания. Последний ряд кресел уже лизали красные языки пламени.

- Надеть шлемы! Герметизация в режиме СО!

Кричать было тяжело, но пока бойцы не были в шлемах, на радиосвязь Преображенский не надеялся.

- Паша! - Воротов протянул руки. - Давай подсажу!

- Сначала бойцы!

- Тут все полыхнет сейчас!

- Лезь наверх, принимай! Приказываю!

Челнок вдруг снова вздрогнул всем корпусом, и дым повалил еще и из кабины. Вскарабкавшийся на спинку кресла, будто циркач, Воротов потерял равновесие и снова растянулся рядом с комбатом.

- Вот блин, они еще и добивают, что ли?! Где пэвэошники, мать их так?!

Из кабины послышался грохот и какая-то возня. Преображенский заметил, что дым оттуда уже не валит.

- Сюда давайте! - пригласил по радиосвязи капитан Бубликов.

Фигура ротного появилась в задымленном просвете двери в кабину.

- Первый взвод прямо! - скомандовал Воротов. - Да живее!

Когда из горящего челнока высадился последний солдат, пламя уже подобралось к кабине. Преображенский выпрыгнул через раскуроченный до размеров парадной двери «лаз» - бывший аварийный люк для пилотов, и его тут же подхватили сильные руки. Подчиненные оттащили комбата подальше от

горящей машины и уложили в дренажную канаву. Как выяснилось, вовремя. Взрываться в челноке было вроде бы нечему, но все-таки что-то взорвалось – несильно, но достаточно, чтобы расшвырять в радиусе двухсот метров увесистые обломки.

– Кабздец подкрался незаметно, – пробормотал Бубликов, поднимая лицевой щиток шлема. – Вы в порядке, господин подполковник?

– Все целы? – Преображенский тоже открыл забрало и подставил лицо каплям мелкого дождя. – Воротов!

– Не то чтобы целы, – поднимаясь из канавы, ответил капитан. – Но у доктора на мониторах только пара переломов и легкие ожоги. Человек пять трехсотых.

– Второму пилоту сильно досталось, – добавил Бубликов. – Я без монитора видел. Не по-детски о пульт шмякнуло. Ребра, похоже, поломал и вся физиономия всмятку. Славян, у тебя на этот дремучий случай стишок есть?

– А то – Воротов на секунду задумался и потер ушибленное плечо: – «Я над полями пролетаю и вижу ширь родной страны. Жаль китель обгорел по краю, как следствие взрывной волны».

– Это скорее про саперов, – заметил подоспевший Блинов.

– Откуда прилетело-то? – очнулся Преображенский.

– Да хрен его знает, господин подполковник. На грунте второй батальон службу несет, с него и спрос. Только почему-то нет с ним связи. И караула в расположении нет. Вообще пусто, будто и не садился сюда никто до нас.

– Еще не лучше. – Преображенский, стряхивая с колен комья грязи, выбрался из канавы. – Первой и второй роте занять оборону по периметру лагеря. Третья в резерве.

– Есть! – Бубликов козырнул и, пригибаясь, побежал к уцелевшим челнокам.

– Фигня какая-то. – Воротов снял шлем и озадаченно пощупал шишку на затылке. – Вот это рог я набил! Паша, я что-то не пойму, куда «бородачи» девались?

– Может, Борис их на исходную увел, к форту?

– Так ведь Гордеев вроде бы решил, что план «Б» отменяется. Ты же сам сказал, что ждем плана «В».

– Верно, ждем, но на прежних позициях. И вообще, чего пристал? Думаешь, я больше тебя понимаю?

– Ты же комбат.

– Комбат. Только не ясновидящий. Зови своих разведчиков, пусть ползут к Бородачу и выясняют, где связь? Сам он «радиомолчит», или глушат его?

– Апостол, я Граф, что за дым? – вышел на связь майор Родионов.

– Сигару раскурили, – ответил Павел.

– А где Большой? Почему не прикрыл?

– Вот и мне хотелось бы узнать, где он. – Преображенский открыл тактический комп на запястье. – Граф, ты висишь?

– На низкой, в стратосфере. Только вошел. По плану «В» жду, когда ворота откроются. Ты план получил? Павел проверил директорию «Приказы». План «В» туда уже поступил. Сразу было видно, что Гордеев, Хосокава и прочие штабные офицеры спешили, перелицовывая тщательно продуманный план «Б», но в целом новый приказ выглядел вполне выполнимым. Если бы не одно обстоятельство. Он был рассчитан на участие в операции обоих десантных батальонов бригады при поддержке танкового батальона Родионова и под прикрытием авиации, а также наземных ракетно-плазменных дивизионов, но в данную минуту по всем пунктам плана шли сплошные сбои. Во-первых, было непонятно, кто и кого поддерживает с воздуха. Скорее всего, никто и никого, раз штурмовики позволили ракетчикам Гатлинга вот так запросто вклеить в

борт челноку «сигару». Те же претензии были у Преображенского и к наземным дивизионам огневой поддержки. На кой черт они нужны десанту, если не в состоянии прикрыть высадку? И последнее – насчет скоординированного действия всех батальонов и вспомогательных подразделений. Координация была невозможна по причине отсутствия радиосвязи со вторым батальоном и проштрафившимися дивизионами самоходной артиллерии. Планы штаба Пятой бригады трещали по швам: и «Б», и «В».

– Граф, а тебе сверху Большого не видно?

– Нет. Зато видно, что купол форта увеличился в диаметре метров на семьсот. Почти до наших окопов.

– Что за фокус? – удивился Павел.

– Это не ко мне вопрос, а к... – Родионов запнулся. – Освобождаю линию, Князь в эфире.

– Апостол, я Князь.

– Слушаю, ваш свет.

– Все отменяется. То, что говорил китаец – правда, но он ошибся в расчетах. Красные пошли в наступление досрочно. Готовься к бою. В районе Гатлинга могут в любой момент появиться крупные силы противника из соседних секторов.

– Да я готов, ваш свет. Вы только скажите, где Большой?

– В форте.

– Где?! Вы шутите?!

– Никак нет. Красные и тут нас обошли. Не стали ждать, когда мы к ним вломимся, а добавили мощности и отсекали Большого дополнительным силовым полем. Теперь он там против всей своры. А свора в Гатлинге – десять к одному. Вам с Графом надо прорваться к Большому во что бы то ни стало. Иначе конец.

Мы поддержим, но сам понимаешь, эффективно работать с орбиты можно только по площадям и в нормальную погоду. Вся надежда на тебя и Графовы коробочки.

- А «огневики» где? И авиация?

- Авиация уже над вами - «дестроеров», что вас сбили, доедает. А машины огневой поддержки на подходе. Только их негусто. Пока вы садились, тут крепкая заварушка случилась. Видишь, лес догорает?

- Ну, вроде что-то дымится слегка. Дождь мешает.

- Там все танки Холли остались и половина наших «МОПсов».

- Seriously поработали.

- О том и речь. Большой еще и половину «самоходок» полковника сжег. Но сейчас ему от этого факта никакого удовольствия, сам понимаешь. Он уже два часа там один против всех. Так что прорывайся, Павел Петрович, любыми путями.

- Сквозь поле? - Преображенский растерянно взглянул в сторону обугленного леса, за которым скрывался злосчастный форт.

- Уж придумай что-нибудь! - Гордеев скрипнул зубами. - Шестой флот марсиан атаковал наши корабли. На орбите сейчас такая карусель закружилась! И Генштаб уже приказ прислал: стартовать в течение четырех часов. Час назад, как раз когда мы с тобой китайца обратно на «Альфу» провожали, Земля была атакована превосходящими силами противника. В ставке трубят общий сбор. Овчаренко дал нам два часа, а потом уходим, невзирая на обстоятельства. Если не вытащим Большого, тут ему и остаться навеки.

- Бросить товарищей?! Овчаренко вообще из ума выжил?!

- Ты поаккуратнее о начальстве, - не слишком строго пробурчал Гордеев. - Похоже, совсем плохо там, в Солнечной. Рано мы обрадовались и победу на себя записали. Уж не знаю, правда ли, но судя по последней «оперативке», на всех фронтах нас красные теснят. Где столько сил взяли - ума не приложу. И, кстати,

Шестой флот укомплектован по полному штату. Даже если останется наша армия на месте, ничего хорошего не выйдет. Полный марсианский флот – это сила.

– А в Солнечную отойдем, легче станет?

– Все может быть. Там-то мы дома, да и прикроем друг друга. А поодиночке – точно смерть. Я так мыслю: марсиане потому и сдавали ненужные Колонии почти без боя. Чтобы нас, во-первых, рассеять, а во-вторых, чтобы самим сил поднакопить и ударить прямо в сердце.

– Но ведь Лидия – не обычная «ненужная» Колония, это мозговой центр, база их колониальной группировки!

– Потому и послали марсиане сюда целый флот. Решен вопрос, Апостол, довольно препираться. Раз уж мы за два месяца Лидию не взяли, то за два часа, да еще под обстрелом Шестого флота и подавно не возьмем. Тут я с Овчаренко согласен целиком и полностью.

– И бросить Большого согласны?

– Это приказ командарма, Апостол, – жестко закончил Гордеев. – Сможешь выручить друга – выручай. У тебя сто десять минут.

– Почему сто десять?! Генштаб же дал четыре часа!

– Не торгуйся, подполковник, не на базаре, – добил Павла генерал. – Теряешь время.

Гордеев вырубил связь. Все, что оставалось Преображенскому, – лихорадочно соображать, выдумывая и отбрасывая каждую секунду по десять безумных вариантов проникновения сквозь силовое поле. К исходу второй минуты мозги начали кипеть, и Павел вспомнил, что он не единственный мыслящий субъект на планете вообще и в батальоне в частности.

– Ротные, ко мне!

Воротов был рядом, а Блинов и Бубликов прибежали через минуту. Ситуацию Павел обрисовал коротко и доходчиво:

- У нас сто шесть минут, чтобы вытащить второй батальон из форта.
Предложения.

- Сначала войти туда не могли, теперь выйти не можем, - хмыкнул Бубликов. - Дела-а!

- Я знаю только одно средство против силовых куполов - ядерный фугас, - сказал Блинов. - Но пока там наши, взорвать «погремушку», даже ранцевую, мы не можем.

- Погодите, а на сколько купол вырос? - Воротов задумался.

- Граф говорит, метров на семьсот.

- В смысле его растянули еще на семь сотен метров во все стороны, так?

- Ну и что? - Капитан Бубликов скептически взглянул на Ярослава. - Думаешь, тотьше стал?

- Это дополнительный купол, - подсказал Преображенский. - Первый остался, как был, на своем месте.

- Я не о том. - Воротов поднял руку. - Линия силового смещения, то есть невидимая стенка наружного купола до наших бывших позиций не доходит. А там ведь не только блиндажей, да окопов тьма-тьмущая нарыта, но и потайные ходы имеются. Те, что роботы с Гефеста проковыряли. Может, по тоннелям? План «Б» почти реализовали, значит, штольни наверняка уже до форта тянутся.

- Это вон там купол до окопов не дошел, - Бубликов указал на выгоревший лес. - А восточнее новый барьер аккурат на вторую линию лег. Вход в тоннели под колпаком, зуб даю.

- Не факт, что прямо по ним!

– И что ж никто из «бородачей» не вышел до сих пор? – Бубликов махнул рукой. – Дохлый номер. Без разведки видно.

– Почему сразу дохлый?! – возмутился Воротов. – Может, наши в форте вышли, в бой ввязались, а потом их от штолен отрезали, вот они обратно и не выползают.

– Ну и какой тогда резон нам в те тоннели соваться? Ладно бы еще сразу батальоном при поддержке «огневиков» и авиации атаковать. Тогда вытряхнуть из красножопых все их дерьмо – раз плюнуть. Но ведь так не получится. Пока по одному будем выбираться из секретных ходов, перещелкают нас марсиане, как мишени в тире. Тебе это надо?

– Ну, а ты что предлагаешь?

– А я предлагаю ультиматум предъявить – или отпускают наших, или мы «погремуху» взорвем, купола их сраные похерим и уж когда ворвемся в этот Гатлинг, всех подчистую вырежем.

– Так они тебе и поверят!

– Мне? – Бубликов усмехнулся. – Мне поверят. Вот Блину – нет, у него на лице написано, что благородных кровей. И тебе, Слава, вряд ли. Видно, что ты не головорез, а почти поэт. А мне поверят. Господин подполковник, разрешите я схожу, потолкую с этим Джемисоном.

– Рисковое дело, Бубликов.

– Да не рисковее случайных связей без резинки, – капитан поискал в кармане и вынул грязноватый бумажный платок. – Не, ну а что еще делать-то? Ждать, когда Гордеев прикажет вернуться на «Уран» и со спокойной совестью умотать в Солнечную?

– Со спокойной не получится. – Преображенский покачал головой.

– Ну и я о том же. А для чистоты эксперимента я предлагаю посадить саперов на броню и заслать их на ту сторону купола. Борис Александрович наступал отсюда, верно? Значит, и залег где-то тут неподалеку, на юго-востоке. Даже

если Мясник упрется рогом и нам реально придется «хлопнуть», от взрыва наши не пострадают и большой дозы не хватанут.

– Согласен. – Преображенский рубанул ладонью воздух. – Блинов, взвод десанта и саперов на броню. От «неожиданностей» маршрут очистят штурмовики. Закладка должна быть с подстраховкой, чтоб никакая марсианская сволочь разминировать даже не пыталась.

– Сделаем, как учили! – заверил «ротный два».

– Бубликов, на переговоры возьмешь отделение... кто там у тебя поопытнее?

– Самый опытный – Одзё, но я лучше один пойду.

– Не дури! И не вздумай в форт соваться! Предъявил и назад. Приказ ясен?

– Так точно. – Бубликов вдруг стал на редкость серьезным. – Ну и вы, ваша светлость, если у меня не получится, не тяните, ладно? Это я не борзею, не учу вас! Прошу. Такие скоты, как Джемисон, или сразу в тему врубаются, или уже никогда.

– Во-первых, там не Мясник командует.

– Да Холли этот... – капитан презрительно сплюнул, – дырка от бублика, хоть и полковник!

– Ты не понял. – Преображенский усмехнулся. Бубликов шутил, причем над собой, а значит, боевой дух у капитана был на высоте. Для парламентаря это важно. – Кроме Холли, там еще с полсотни высших чинов наберется. В Гатлинге штаб колониальной группировки загорает, Бубликов, в полном составе. Ни больше ни меньше.

– Чума! – капитан хлопнул себя по колену. – Это ж совсем другое дело! Сто пудов даю – сработает мой план! Это Мясник может на ножичек у задницы не среагировать, поскольку невменяемый, а Стивенсон точно зассыт! Славян, выдай напутствие в стихотворной форме для подъема настроения!

– Легко. – Воротов придал лицу торжественное выражение: – «Вся наша жизнь эксперименты, тут важно помнить лишь одно: раз инструменты экскременты, и результат работ – говно».

– Очень жизнеутверждающе, – фыркнул Блинов.

– Самое то, что надо, – рассмеялся Бубликов. – Бывайте, славяне!

* * *

Следовало признать, что сражались земляне достойно, хотя бой и напоминал фехтование в темноте. В свете местного солнца то и дело бликовали борта кораблей, абсолютно неясно чьих, а на фоне звезд изредка прорисовывались их контуры – и снова было не разобрать, кто это: земляне или свои. Редкие вспышки взрывающихся на силовых щитах ракет или тусклые пятна рассеянных в защитном поле лучей, также не вносили в картину сражения особой ясности. Для наблюдателя не вооруженного тактическим компом, космический бой выглядел схваткой черных котов в безлунную ночь. Причем если следить за ней через звуконепроницаемое окно. Так... то клык блеснет, то глаз. И все же схватка не заканчивалась, а значит, обе стороны дрались умело. Теоретически выходило так.

Депп отвернулся от обзорного иллюминатора и обратил внимание на более понятное «практическое» зрелище. Десятка два бывших арестантов космической тюрьмы «Центр-4» под одобрительное улюлюканье рейнджеров пинали Гитлера. Сосредоточенно и молча, лишь резко и шумно выдыхая при каждом пинке. Сержант-надзиратель давно уже не шевелился, скорее всего, он был мертв, но освобожденные узники никак не могли остановиться. На корабле не было, пожалуй, ни одного заключенного, который не отведал бы дубинки Гиле. Теперь надзирателю вернулось все, что он раздал. Сторицей.

Гарри поморщился. Гитлер, конечно, заслужил смерти, но смотреть, как озверевшая толпа пинает труп врага, пусть и самого лютого, было противно. Труп есть труп, ему все равно, ненавидят его или боготворят. Издеваться над ним – только себя унижать. Но, наверное, Депп слишком легко отделался, побывав на «приеме» у Гитлера лишь однажды. Арестанты со стажем имели на этот счет собственное мнение.

Из толпы вынырнул разгоряченный Олаф. Глаза у наталийца сверкали черным огнем, а рот был перекошен судорогой ненависти. Лишь поймав осуждающий взгляд Гарри, наталиец выдохнул и попытался привести в порядок одежду, а затем сменил гримасу.

- Полгода терпел, - оправдываясь, сказал Олаф срывающимся голосом. - Он этого заслужил.

- Понимаю, - бросил Депп равнодушно.

- Ничего ты не понимаешь! - Олафу было стыдно, Гарри это отлично видел. - А молодцы рейнджеры, да? Показали этим десантникам!

- Наверное, - Депп сложил руки на груди и снова взглянул в иллюминатор. - Отсюда не разберешь, кто кому показал. Наверное, ты прав.

- Конечно, показали! Вон, смотри, видишь «габариты»? А рядом еще несколько огоньков... красные такие, видишь?

- Ну, вижу. Что это?

- Это госпитальный корабль «Бурденко» к нам пристыковался. Рейнджеры его вместе с нашей тюрьмой захватили, одним махом. Скажешь, не лихо?

- Наверное.

- Да что ты все «наверное» да «наверное»?! Ты не рад, что нас отбили?

- Ну почему не рад? Рад. Просто пустота какая-то, Олаф... не знаю даже, как сказать.

- Это нервы, - из толпы ликующих арестантов выбрался Себастьян. - Знаешь, как бывает: сутки на взводе, а потом все кончилось - и ты, будто выжатая губка. У нас-то это давно прошло, мы и забыли, как это - нервничать, а ты всего второй день в реальной передрыге.

– Ты психолог, однако. – Олаф одобрительно похлопал товарища по плечу. – Джина видел?

– Там он, с командиром рейнджеров беседует. Важный такой – Себастьян усмехнулся. – Только виски на борту запахло, сразу вспомнил, что не быдло колониальное, а чистокровный марсианин, офицер. Я, было, сунулся к нему на радостях обняться, а он так отодвинулся и только руку пожал. Будто и не терлись полгода боками на нарах.

– Да, с гонором у Джина все в порядке, – согласился Олаф. – Но ты не бойся, нас он не забудет. Он еще тот сноб, но кое-какие понятия о дружбе у него есть. В рамках, конечно.

– А на планете по-прежнему сверкает, – вдруг сказал Депп, кивком указывая на проплывающий «внизу» диск Лидии. – Неужели земляне кого-то там оставили?

Примерно на «десять часов» атмосферный фронт прорвался, и стала видна поверхность планеты. Сверкало на небольшом участке, зато от души.

– Да, – согласился Олаф, – бьются насмерть. Ну, ничего, сейчас рейнджеры спустятся, и все закончится.

– Слушай, Гарри, а не в твоем ли это форте мясорубка? – озадачился Себастьян.

Олаф взглянул на друга с осуждением.

– В моем. – Депп отрешенно кивнул. – У нас там Стивенсон в гостях, вот земляне и пытаются его достать. И достанут. Раз флот ушел, десанту терять нечего.

– Не понимаю я этих землян. – Олаф пожал плечами. – Самоубийцы какие-то. Это все потому, что у них в армии половина русских, а половина японцев и китайцев всяких. Что те, что другие на воинской чести просто задвинуты.

– Японцы и китайцы – не одно и то же, – заметил Себастьян. – Китайцы так драться не умеют.

– Ну почему, у них тоже всякие там у-шу имеются.

– Я не про боевые искусства. Я про реальный бой. В нем главное – сила духа каждого воина, а китайцы только толпой сильны. Я на Деа в портовых кабаках частенько с ними дрался.

– Побеждал?

– Ни разу.

– Вот именно. Ну и что твой дух против толпы?

– Смотрите! – вдруг прижался к иллюминатору Депп.

Товарищи прильнули к стеклу рядом с лидийцем. Теперь они смотрели не на планету и не на отблески затихающего космического боя, а на контур «Бурденко». В нем прорисовался маленький желтый кругляш, и к зеленым габаритным огням добавилось несколько мигающих оранжевых маячков.

– Шлюз открылся, – определил Олаф. – Только почему-то к нему ничего не пристыковано.

– Может, мусор выбрасывают? – предположил Себастьян. – Как раз к атмосфере шлюз обращен.

– На таких кораблях для мусора молекулярные конвертеры имеются, – сказал Депп. – Смотрите!

В просвете шлюза что-то мелькнуло, затем еще раз и вдоль борта госпитального корабля потянулся пунктир из серебристых точек. Цепочка постепенно отклонялась к атмосфере, но даже без вычислений было понятно, что она пройдет очень близко от «Центра-4», если и вовсе не заденет его боковые антенны. По мере приближения, точки пунктира вытягивались и обретали узнаваемые очертания. Когда первая «точка» поравнялась с иллюминатором, Депп невольно отпрянул. Пунктир состоял из обледеневших тел людей в униформе Земной Федерации. Покрытые блестящей ледяной коркой лица, лопнувшие глаза и замерзшие брызги крови превращали трупы в нечто нереальное, в каких-то жутких монстров из космических глубин. Гарри почувствовал, как подкатывает дурнота и шевелятся все имеющиеся на теле

волосы. Кто бы ни были эти люди, они не заслужили такой жестокой смерти. Впрочем, смерть есть смерть, доброй она не бывает.

Депп отвернулся и сделал пару глубоких вдохов, чтобы не наблеть прямо под ноги. В духоте переполненной верхней палубы дыхательные упражнения были малополезны, но Гарри немного полегчало. В этот момент среди бывших арестантов прошелестел шепоток, что марсиане раздают сухие пайки, и толпа подалась в сторону камбуза. Людской поток отнес Дедпа от иллюминаторов, и он потерял Олафа и Себастьяна из вида.

– Лидиец! – слышалось слева.

Дедп обернулся. На трапе «верхняя палуба – шлюзы» стоял Джин. Как и говорил Себастьян, марсианин заметно преобразился. На нем была чистая офицерская куртка без погон, а вечно всклокоченную шевелюру прикрывало рейнджерское кепи. Но главным в «новом» Джине был не внешний вид – в сочетании со щетиной и тюремной бледностью лица форма выглядела несуразно, – а взгляд. Строгий, волевой взгляд марсианского господина. Дедп невольно пригнулся: «чего изволите, масса Джин».

– Где наталийцы?

– Там где-то. – Гарри большим пальцем указал на толпу за спиной. – Наверное, на камбуз пошли.

– Хорошо, позже найду. – Джин небрежным жестом поманил Дедпа. – Иди за мной. Есть работа.

Гарри не стал уточнять, куда его зазывает марсианин. По большому счету, это было и неважно. Если Олаф прав и у Джина имеются «рамочные» понятия о дружбе, марсианин звал не в трюм, ворочать мешки. Хотя ожидать, что он предложит едва знакомому лидийцу поработать массажистом в женских душевых, тоже не приходилось.

Они поднялись в шлюзовой отсек, и Джин указал на неровный строй из десятка бывших арестантов. Дедп занял место на левом фланге. В мыслях промелькнуло невнятное опасение, что-то связанное с проплывающей за иллюминатором серебристой цепочкой тел, но Гарри отогнал неприятное воспоминание. «Нас-то

за какие грехи из шлюза выбрасывать, мы же свои». Он мельком взглянул на новых товарищей. Все были относительно свежими, некоторые даже отличались следами нормального планетарного загара. Видимо, в подразделение неясного назначения набирали арестантов из последних партий, еще не измученных побоями и не истощенных скудным тюремным пайком. «Значит, все-таки мешки, – тоскливо подумал Депп. – Вот тебе и марсианская дружба».

Джин о чем-то переговорил с двумя офицерами-рейнджерами, бросил «О...К» и возглавил строй.

– Направо! Шагом марш!

Направо был шлюз. Внутри у Деппа разлился предательский холодок страха. Лишь когда куцая колонна миновала шлюзовые переборки «Центра-4» и вошла в пристыкованный к космической тюрьме госпитальный корабль, у Гарри отлегло от сердца. Более того, у него появилась надежда, что Джин все-таки не такой бездушный сноб, каким кажется. Депп определенно попал в команду санитаров. Работа грязная, зато не на передовой. Использовать трофейные корабли по профилю считалось нормальным и у землян, и у марсиан. Менялся только экипаж и персонал. Да и то не всегда. В форте один сержант рассказывал, что на захваченных Альянсом госпитальных кораблях частенько встречаются врачи-земляне и наоборот. По негласным правилам никто их за это не считает ни изменниками, ни дезертирами.

Колонна остановилась. Командир снова развернул санитаров во фронт.

– Вы четверо – в приемный отсек! – скомандовал Джин, указывая на правофланговых. – Вы двое – на нижнюю палубу. Депп и ты...

– Рядовой Томба, сэр! – выпалил здоровенный черный парень справа от Гарри.

– В хирургию! Доктор, забирайте!

– Пошли. – К Деппу и его новому напарнику приблизился невысокий худощавый врач в белой униформе со следами от сорванных федеральных нашивок.

Что бы там ни гласили неписанные законы, в глаза вражеским санитарам пленный доктор старался не смотреть. Почему он прячет взгляд и вообще трясется, будто алкоголик после запоя, Гарри понял минутой позже.

Путь до хирургического отсека занял именно минуту, но за это короткое время Дедпа едва не вывернуло наизнанку трижды. Земляне сдались не без боя. Да такого, что сердце замирало от одного вида последствий. Стены тридцатиметрового коридора были залиты кровью, а под ногами хрустело стекло и чавкали какие-то ошметки. Повсюду виднелись обугленные дыры, оставленные абордажными излучателями малой мощности. Воняло горелым мясом, развороченными внутренностями, кровью и дерьмом. По ходу коридора располагались три помещения, и во всех трех двери были сорваны с петель. Дедп заглянул в одну из кают, после чего заставил себя смотреть только прямо. В каюте дымясь и жутко воняя тлели останки то ли трех, то ли четырех человек.

В хирургическом блоке картина была примерно та же, но, кроме трупов, обнаружили живые и умирающие. Десяток перемазанных кровью и прокопченных рейнджеров «зачищали» просторное помещение. Им уже никто не сопротивлялся – кроме тяжелораненых и медсестер тут никого и не было, – но солдаты вошли в раж, а остановить их было некому. Трое ходили между койками, как зомби, и резали раненым землянам глотки. Умирающие хрипели, те, кто был в сознании и видел приближающуюся смерть, кричали, но почти никто не пытался защищаться. Мясники были покрыты кровью с головы до ног, окровавленные ножи то и дело выскользывали у них из рук, но солдаты не останавливались. Еще четверо громили шкафы с медикаментами в поисках спирта. Один обернулся и, увидев доктора, ткнул в его сторону пальцем.

– Ты! Сюда! Где спирт?!

Хирург испуганно пригнул голову и отправился показывать заветные тайники.

Но самое противное творилось в левом углу помещения, где двое рейнджеров боролись с двумя землянами на полу в луже крови и какой-то буро-желтой слизи. Третий солдат сидел на еще одном медике верхом и молотил тяжелыми кулаками его по лицу. Землянин пытался прикрыться руками. Дедпу вспомнился совет Олафа: «Будут бить, прячь руки под мышки, группируйся». Совет к данной ситуации явно не относился. Группироваться и беречь пальцы следовало, если бьют палкой по спине, а если кулаками в лицо – черт с ними с пальцами.

После очередного удара медик всхлипнул, и у Дедда будто упала с глаз пелена. Он прозрел и понял, что двое солдат в партере вовсе не борются с землянами, а элементарно их трахают. И, вопреки распространенному среди землян (да и ехидных колонистов) мнению о поголовной сексуальной дезориентации марсиан, трахали рейнджеры не мужиков, а девок. Скорее всего, медсестер.

Один солдат лежал на жертве, расстелив ее в классической позе. Левым локтем он давил ей на шею, а правой рукой шарил вниз. Видимо, эрекция была не на высоте. Девушка под ним хрипела, задыхаясь, но насильника больше волновали его мужские проблемы, чем самочувствие жертвы.

«В такой вони немудрено», – Дедда снова замутило. Он вдруг понял, что бурожелтое под парочкой это жидкое, разбавленное кровью дерьмо.

Второй солдат был, видимо, посильнее товарища и не так чувствителен к запахам. Он бросил свою жертву лицом в пол, заломил ей руки за спину и пристроился сзади. В отличие от молча сопящего неудачника, он громко ругался.

– Нравится, сука?! Как тебе настоящие мужики, шлюха федеральная?! А ну, жопу подставляй!

Гарри невольно сжал кулаки и сделал шаг к насильникам, но его придержал Томба. Дедда недобро покосился на негра. Тот стоял с бесстрастным лицом и равнодушными глазами. Лишь несколько капелек пота над верхней губой выдавали его настоящие чувства. Томбе все это было омерзительно не меньше, чем Дедду.

Между тем движение санитары заметил третий из любителей женских форм, тот, который избивал девушку, сидя с расстегнутыми штанами у нее на груди. В чем заключалась проблема этого «героя-любownika» Дедда и вовсе не понимал. Судя по тому, что на девушке не было трусиков, воспользоваться ею он мог свободно, но то ли ему хотелось в качестве «разгона» орального секса, то ли без мордобоя у него просто не вставал. Разрешил загадку сам рейнджер.

– Чего вылупился, колонист?! Хочешь ее? Эту бешеную суку хочешь?! Смотри, какие ляжки! Бери! Только учти, в рот дашь – откусит! А по нормальному – извивается, сука, как змея! Не попадешь, мать ее!

– Ты просто мазила, Джокер! – прохрипел наиболее удачливый из троицы ублюдков. – Я вот уже во вторую дырку вставил! Хочешь, после меня тоже к ней пристраивайся.

– Пошел ты! – Джокер встал, застегнул «молнию» на штанах и пнул девушку в бок. – Забирай, колонист! Трахни эту суку и в шлюз вышвырни, мать ее! Чего уставился, говнюк?! Я приказываю!

Сначала Депп хотел послать этого марсианина по известному адресу, но новый толчок от Томбы и оружие в руках у разъяренного солдата заставили Гарри мыслить более-менее трезво. Депп уставился себе под ноги. Вырулить из ситуации можно было только подчинившись, но прикоснуться к грязной, окровавленной, воняющей, как протухший кальмар, девке ему было омерзительно до предела. Черный напарник снова толкнул Деппа, и тот поднял взгляд. Томба глазами указал на дверь в подсобку. Этот парень соображал побыстрее растерянного лидийца. Увести жертву в подсобку, посидеть там пять минут, а потом вернуться. Вряд ли марсианин попрется следом, чтобы убедиться, что его несостоявшаяся жертва наказана. И так оконфузился. Разве что пожелает лично пристрелить. Впрочем, нет. Хотел бы убить сам – убил бы сразу. А он, видишь, какой гордый. Не дала высшему существу – значит чернь. Вот пусть другая чернь тобой попользуется, а потом казнит. А от руки марсианина ты, сука, даже умереть недостойна.

Депп подошел, едва сдерживая рвотный позыв, наклонился и взял девушку под мышки. Она была в сознании, но не сопротивлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Большой десантный корабль.

2

Уважаемый!

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vyacheslav-shalygin/pyataya-kosmicheskaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)